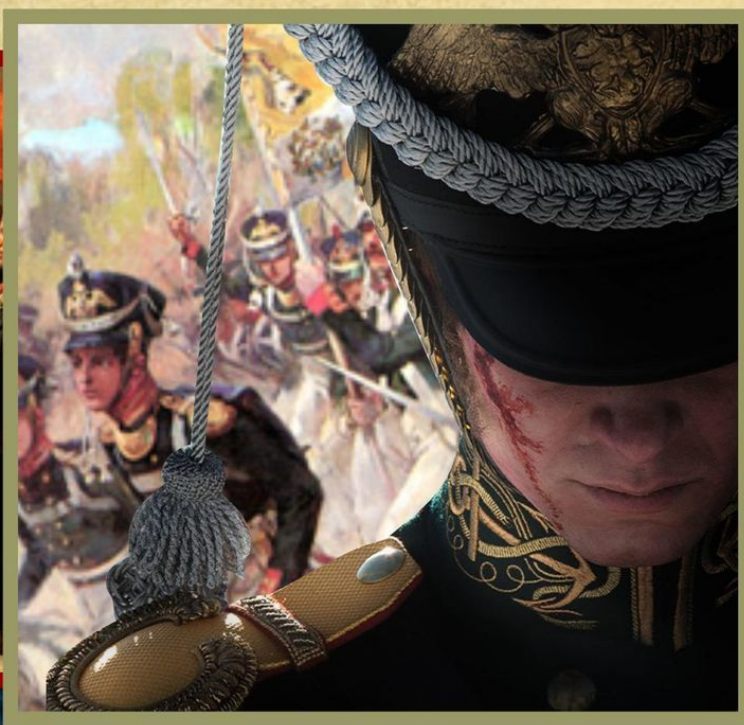

собрание сочинений

ВЛАДИМИР ШИГИН

фантастический приключенческий
детективный роман

Похититель ИМПЕРАТОРОВ

Фэнтези и приключения

Владимир Шигин

**Похититель императоров
(Собрание сочинений)**

«ИП Каланов»

2019

Шигин В. В.

Похититель императоров (Собрание сочинений) / В. В. Шигин —
«ИП Каланов», 2019 — (Фэнтези и приключения)

ISBN 978-5-6042237-5-8

«- Я, ваше величество уже готов, осталось лишь встать да подпоясаться! – ответил я как можно бодрее. - Ну, конечно, ну, конечно, – неопределенно мотнул головой Александр Павлович, уже вооружившийся лорнетом, снова принявшись штудировать будущую историю своего царствования. Я смотрел в окно кареты на проносящиеся мимо занесенные снегом леса. Все полгода своей новой жизни я постоянно куда-то тороплюсь, куда-то мчусь, боясь опоздать и не успеть. Что ждет меня впереди? Удастся ли исполнить клятву, данную умирающему Кутузову? В любом случае, остается лишь одно - исполнять свой долг. В остальном же, пусть мне сопутствует госпожа-удача!»

ISBN 978-5-6042237-5-8

© Шигин В. В., 2019

© ИП Каланов, 2019

Содержание

Глава первая	8
Глава вторая	20
Глава третья	37
Конец ознакомительного фрагмента.	60

Владимир Шигин

Похититель императоров

© Владимир Шигин, 2020

Вот уже в третий раз в первое воскресенье сентября я выбираюсь на Бородинское поле. Выбираюсь потому, что являюсь потомком участника той войны, потому, что являюсь российским офицером и, наконец, потому, что просто люблю военную историю, и в особенности славную эпоху 1812 года. В своем желании я не одинок. В тот день на Белорусском вокзале яблоку негде было упасть. Вот перекуривают преображенцы, и у них по-свойски стреляют сигареты французские кирасиры с баночным пивом в руках. А вот еще милая парочка – казачий урядник под ручку с маркитанткой наполеоновской старой гвардии. И вся эта публика движется в одном направлении – на Бородинское поле, чтобы прикоснуться к героическому прошлому нашего Отечества.

Кое-как заталкиваемся в переполненный вагон. За спиной болтается выдавший виды вещмешок с обычным походным набором – несколькими бутылками коньяка и водки, нехитрой закуской, алюминиевой кружкой, армейским биноклем, армейской аптечкой и прочей мелочью.

Я оказываюсь зажатым между очкастым французским сапером и хорошо подвыпившем ахтырским гусаром. Оба ожесточенно спорят, поминая и Наполеона, и Кутузова. Войдя в раж, начинают кричать, но их сразу ставит на место пехотный солдат:

– Господа, вы же интеллигентные люди, чего орать во всю глотку!

Сапер с ахтырцем смущенно замолкают. Зато начинает куда-то нагло лезть толстомордый барабанщик итальянской гвардии со своим дурацким барабаном.

– Ты бы сел на него, все бы места больше было! – говорят ему со всех сторон.

– Не могу, – грустно трясет «итальянец» своей рыжей бородой – Боюсь, что лопнет!

Едем, в общем, весело. Кто-то пустил по кругу бутылку, потом другую, достал одну и я. И все, невзирая на мундирную принадлежность, начали смело к ним прикладываться.

Скажу честно, мне нравится это веселое карнавальное братство. В эпоху оно, разумеется, не погружает, но колорит празднику все же придает. На этот раз я, видимо, последний раз участвую в данном мероприятии, так как обучение в военно-командной академии подходит к концу и уже через неделю меня ждет новое назначение в очередную Тмутаракань. Но это еще впереди, а пока я майор российской морской пехоты в мундире капитан-лейтенанта гвардейского флотского экипажа, передаю полупустой бутылку «Старой Москвы» уже изрядно оттоптавшему мне ноги саксонскому кирасиру. Из глубины вагона кто-то надрывно кричал:

– Французская линейная пехота! Собираемся у первого вагона!

– Там вас всех штыками и поколем! – тут же весело отзываются с другого конца.

– Это кто же такие смелые?

– Лейб-гвардии литовцы!

– Эти могут! – не возражают гренадеры Наполеона.

– Следующая станция Бородино! – объявляет машинист.

В вагонах сразу же начинается броуновское движение, пассажиры подгоняют амуницию, цепляют сабли, расчехляют знамена.

Уже на перроне я встречаю своего старого знакомого Диму Наумова, отставного офицера разведки и тоже любителя исторической реконструкции. Димка, как и я, в форме гвардейского флотского экипажа. За встречу мы тут же выпили по бутылочке любимой «Балтики», после чего он одарил меня увесистым томом «Истории жизни и царствования императора Александра Первого».

– Хорошая книга. Много интересных документов. Надеюсь, тебе понравится! – сказал мой друг, вручая свой дар.

Я бегло пролистал книгу. Слов нет, Димка хорошо знает, что дарить, однако мог бы сделать свой подарок в Москве в более благоприятной обстановке. Теперь же мне предстояло весь оставшийся день таскаться со здоровенным фолиантом. Но не откажешься же! В ответ я отдался раскрашенной оловянной фигуркой Наполеона. Он такие любит и расставляет по книжным полкам в домашнем кабинете. Вместе с Димкой мы отправляемся на поиски своей «воинской части», чтобы, влившись в ее ряды, принять участие в предстоящем сражении. На знаменитом поле уже полным-полно людей. С погодой тоже пока повезло – яркое, почти летнее солнце.

Праздник традиционно открылся торжественными церемониалами у главного монумента на батарее Раевского и на командном пункте Наполеона у деревни Шевардино.

Кульминацией же, как всегда, стала военно-историческая реконструкция эпизодов Бородинского сражения на плац-театре западнее села Бородино. Там "русская" и "французская" армии демонстрировали приемы ведения боя, знание военных артикулов того времени. Палили пушки, куда-то ошалело скакала конница, не слишком густые колонны пехоты шли в штыковые атаки...

Во время разыгрывания эпизодов сражения мы с друзьями познакомились и с приехавшими на годовщину Бородина французами, вернее, с небольшой компанией участников Парижского исторического клуба. Около нас французов оказались сразу трое: мужичек средних лет, одетый в форму гвардейского гренадера, по имени Гренэ, толстяк в очках, напомнивший мне толстовского графа Безухова и обряженный гвардейским артиллеристом. С лица «Безухова» не сходила улыбка. Самое смешное, что его на самом деле звали Пьером. Третьей была молодая симпатичная девушка – «маркитантка» по имени Адель. Французы оказались ребятами вполне компанейскими. Что касается девушки, то она вообще была просто прелесть, веселая и бойкая. Я вполне прилично знаю французский, а Димка английский. Это сразу же расположило к нам представителей «армии захватчиков». Каждому всегда приятно общаться с людьми тебя понимающими, чем объясняться языком жестов. Поболтав на общие темы, мы договорились, что после окончания официальных мероприятий, вместе поднимем стопки за нашу дружбу.

Завершилось все празднество парадом военно-исторических клубов. После официоза началась уже «работа по секциям», а точнее отдых на природе с боевыми товарищами.

Мы же, как и договорились, встретились с французами. Как принимающая сторона, мы с Димкой накрыли стол, выставив на расстеленной газете, соответствующие историческому моменту коньяки «Кутузов» и «Багратион», бутерброды и пластмассовые стаканчики. Французы ответствовали нам двумя «Наполеонами» и каким-то покрытым плесенью сыром. Первый тост, как водится, подняли за встречу и знакомство. После этого я вручил нашим гостям еще одного оставшегося у меня оловянного солдатика, изображавшего Наполеона. В ответ толстяк в очках подарил разовую газовую зажигалку с изображением Эйфелевой башни. Обмен сувенирами отметили еще одной рюмкой коньяка. Ну, а потом, как и полагается, пошли тосты за дружбу и братство. Сидели мы довольно тесно и, взявший на себя роль виночерпия Пьер, лихо левой рукой разливал весь наш «коньячный коктейль».

– Не доставляет неудобств, то, что ты левша? – не совсем тактично спросил я его.

В ответ Пьер по-доброму улыбнулся:

– Можешь верить, можешь нет, но правой я не никогда был, а потому насчет неудобств тебе ничего ответить не могу!

Все рассмеялись. Удивительно обаятельным был этот толстяк в очках.

Потом Димка, чертя ножом по земле, обсуждал с гренадером и артиллеристом перипетии Бородинского сражения, а я больше общался с французенкой-«маркитанткой». Вскоре мне

удалось выяснить, что Адель (так звали француженку) работает в каком-то парижском журнале, заканчивает исторический факультет Сарбоны, обожает наполеоновскую эпоху и думает посвятить свою жизнь ее изучению. При этом я узнал, что замужем "маркитантка" не состоит и, как современная эмансипированная девушка, туда не стремится. Что и говорить, на Адель я сразу запал, так как она была не только мила, но и обладала особым французским шармом. Поболтав на темы минувшего и сегодняшнего, мы вскоре договорились с Адель, что завтра я покажу ей Москву, после чего мы вместе пообедаем в каком-нибудь уютном ресторанчике.

– Мне трудно произносить твое русское имя Паувел! – улыбнулась она мне. – Можно я буду называть тебя просто – милый Поль!

– Я буду только счастлив! – нежно шепнул я ей в ушко.

– О, – ля-ля! – погрозила она мне пальчиком. – Вы русские любите слишком быстро ездить!

Вместо ответа я скривил смешную рожицу. Адель рассмеялась.

Есть! Кажется, и у француженки ко мне так же возникла определенная симпатия!

– А у нас тут, похоже, намечается серьезная русско-французская дружба! – не слишком деликатно пошутил Димка, уловив наше воркование.

Затем французов куда-то позвали, и мы очень тепло расстались с нашими «противниками». Потом нас с Димкой подхватили, проходившие мимо «курляндские драгуны», направлявшиеся в гости к «воронцовским гренадерам» на Багратионовы флешы, чтобы там, подальше от шума и гама, совместно совершить тризну по павшим, да и вообще отдохнуть от нелегких ратных дел. В шумной драгунско-гренадерской компании, мы подняли по первой, потом по второй, да и третья, разумеется, не была последней. Когда же, собравшиеся в кружок «гренадеры» и «драгуны» предались нескончаемым разговорам о спорных моментах той далекой войны, я, пригревшись на солнце, немного задремал.

Глава первая

... Пробуждение мое было поистине жутким. Глаза я открыл от страшного грохота и громких криков. Вскочив, огляделся и едва не потерял сознание от увиденного. Вокруг творил нечто несусветное. Рядом со мной не было ни Димки, ни других сотоварищей по историческому клубу, не было дерева, под которым я задремал, не было ни памятников и даже Спасо-Бородинского монастыря. Зато было другое!

Вокруг меня кипело самое настоящее сражение. Шли в атаку с развернутыми знаменами тысячи и тысячи солдат, надрывно били барабаны. Ревели пушки и ядра чертили небо. В жухлой траве валялись сотни раненных и убитых. Какое-то мгновение я все еще сомневался, реальности происходящего. И даже больно ущипнул себя. Однако противно свистнувшая у самого виска пуля сразу привела меня в чувство. Что такое настоящая война я все же знал не понаслышке. А дальше началось вообще что-то невообразимое.

– Павел Андреевич! Вы чего здесь дурака валяете! Быстро к князю! Там уже почитай всех адъютантов перебило! – прокричал мне, промчавшийся мимо верховой офицер.

Но ведь Павел Андреевич Колзаков – это же я собственной персоной! Но онто, откуда меня знает, что за театр абсурда!

А может и нет никакого абсурда. Ведь я полный тезка моего прапрапрадеда, дравшегося когда-то при Бородино. Если судить по портрету, мы с ним одно лицо. Господи, да ведь мой дальний прадед в день Бородина состоял при князе Багратионе! Кого же звал на помощь Багратиону проскакавший мимо офицер моего прапрапрадеда или меня!

– Французы снова в атаку движутся! – кричали вокруг – Изготовьсь!

Я оглянулся. Вдалеке на опушке Утицкого леса быстро выстраивались в колонны французы. Если верить историкам – это должен быть корпус маршала Даву. Вот колонны быстро раздвинулись в стороны и двинулись в нашу сторону. Всего в день Бородина французы атаковали флешу восемь раз. Знать бы, какая это по счету атака!

Рядом со мной потные артиллеристы уже забивали в стволы картечные заряды. Морщинистый офицер, бегая среди пушек, кричал хрипло:

– Не палить без команды! Пусть подойдут саженой на двести!

Ни дать, ни взять, реальный штабс-капитан Тушин.

Французы приближались. Зловеще били их барабаны.

– Пали! – над самым моим ухом выкрикнул офицер.

Картечь разом со свистом выхватила из французских рядов сотни людей. Но оставшиеся в живых, сомкнув бреши в своих рядах, только ускорили шаг. А рядом со мной вокруг уже падали наши – это открыли огонь выдвинутые вперед корпуса Даву орудия.

Сомневаться в реальности происходящего уже не приходилось. Черт возьми, но как из 2012 года я вдруг оказался в далеком 1812! Каким образом и кто перетащил меня на две сотни лет назад! Впрочем, прежде чем найти ответы на эти вопросы, сегодня, судя по всему, мне надо было еще постараться остаться в живых.

Между тем ливень свинца продолжал косить густые колонны французов, и они, наконец, заколебались. В это время по их правому флангу открыли ружейный огонь и выдвинувшиеся вперед наши егеря. Поражаемые картечью и ружейным огнём, французы отхлынули обратно в лес.

«Да мне же было приказано искать князя! Но ведь приказывали не мне капитан-лейтенанту Колзакову, а моему предку! Но где же тогда сам мой предок? Ладно, сейчас не до мудрствований! Сказано искать Багратиона, значит надо искать!»

– Не подскажешь, где находится князь Багратион? – поспешил я с вопросом к приказывавшему что-то офицерам генералу.

Тот недоуменно окинул меня взглядом и неопределенно махнул рукой в сторону:

– Где-то там!

Лицо генерала показалось знакомым. Нет, я его никогда раньше не встречал, но много раз видел на старых портретах. Кто же это? Но копаться в памяти времени не было, и я поспешил в указанную сторону. Однако найти штаб Багратиона так и не успел. Всюду вдруг закричали:

– Хранцуз снова пошел! Теперича держись!

Отцепив и выбросив свою бутафорскую саблю, я снял и прицепил настоящую с валявшегося ничком офицера. Теперь у меня появилось хоть какое-то оружие.

– Моряк! Берите под начало солдат! Там всех офицеров перебило! – подбежал ко мне какой-то полковник.

Я оглянулся. Невдалеке сиротливо жалась кучка солдат, человек двести. Раздумывать было некогда. Ну, была, ни была! Выхватил из ножен саблю:

– Ребята заражай ружья! Подпустим французов вплотную. Целить в грудь! Потом в штыки!

К моему удивлению, солдаты, слушая мои суматошные крики, начали быстро строиться в шеренги, поглядывая на меня. Наверное, они ждали каких-то новых команд, но что кричать им дальше, я не знал. На свое счастье я увидел какого-то пробежавшего поручика и тотчас перепоручил ему «своих» солдат. Поручик этому несколько не удивился и сразу начал уверенно ими командовать. Чтобы не мешать ему, я вытащил свою саблю из ножен и пристроился на правом фланге собранной рати.

Французы были уже недалеко. Как и в прошлый раз их выкашивала картечь и к нашим позициям они добрались далеко не все.

До рукопашной на этот раз, слава богу, не дошло. Все обошлось лишь одним залпом. Французы отхлынули, но лишь для того, чтобы перестроившись, снова двинуться в атаку. И опять неприятеля ждала неудача. Подошла подмога и мы вновь отбросили его дружным огнём.

Оставив сотни трупов, французы окончательно выдохлись и отошли. Их преследовала наша конница, противник тут же контратаковал своей. И хотя наша кавалерия, после недолгой рубки, повернула вспять, атака на флешу была все же сорвана.

Несмотря на реальность всего происходящего, меня все еще не оставляло ощущение, что я являюсь зрителем некой грандиозной кинопостановки, такого современного ремейка «Войны и мира», переполненного массовой, спецэффектами и компьютерной графикой. Вот вот раздастся усталый голос режиссера: «Камеры стоп! Перерыв! Всем спасибо за работу!» И сразу перестанут палить пушки и летать ядра, встанут с земли «раненные» и «убитые», а солдаты противных сторон, побросав деревянные ружья, дружно затянутся сигаретами. Но, к сожалению, ничего подобного не происходило. Все так же летели ядра и свистели пули, все также падали раненные и убитые, а противники, с все возрастающей яростью, истребляли и истребляли друг друга.

Я машинально глянул на часы. Было шесть двадцать утра. Черт возьми, но ведь в 2012 году сейчас было уже далеко за полдень! Вот и документальное подтверждение тому, что время действительно изменилось вокруг меня! От этого открытия хотелось просто разрыдаться. Впрочем, главным было не это. Итак, если сейчас действительно шесть двадцать утра, это значит, только что была отбита только первая атака на наш левый фланг, после которой должна последовать небольшая передышка.

* * *

Генерала от инфантерии Багратиона я нашел неподалеку на гребне оврага. Он рассматривал в зрительную трубу французские позиции. Рядом располагались еще с десятков офицеров и небольшой казачий конвой. Внешне Багратион оказался совершенно не похож ни на один

из своих портретов. В жизни он выглядел куда страшнее, чем на многочисленных «парсунах»: огромный крючковатый и ноздреватый нос, клочья бровей над запавшими глазами, изрытое оспинами лицо с тяжелой челюстью. Как говорится, «не для дам». При этом именно такой генерал-орел, думаю, солдатам особенно нравился. Да и мне столь грозный князь как-то сразу пришелся куда больше по душе, чем его многочисленные творчески улучшенные изображения.

– А вот и моряк объявился! – увидев меня, воскликнул кто-то. – Передали приказание графу Воронцову?

Точно! Это же я у Воронцова и спрашивал, как найти Багратиона! А почему он так странно на меня поглядел? Да потому, что я к нему на «ты» обратился!

– Не успел! Меня контузило ядром! Почти ничего не помню! Все как в тумане! – закусив губу, соврал я.

Впрочем, почему же соврал! С момента своего жуткого пробуждения я и в самом деле был словно контуженный. Ожидая, что меня будут попрекать за неисполнение приказа, я глянул на стоявших вокруг Багратиона, но они смотрели совсем в другую сторону.

– Господа, кажется, французы снова двинулись!

– Не отрывая глаз от трубы, Багратион подозвал одного из офицеров:

– Марин! Отправьте адъютантов по дивизиям с приказом отбивать французов короткими штыковыми контратаками, но не увлекаться и с позиций не сходить!

– Колзакон! – повернулся ко мне генерал, скорее всего, начальник штаба Второй армии граф Сен-При. – Берите лошадь и снова пулей к Воронцову. Да смотрите, чтобы опять не контузило.

Казак подвел мне лошадь. Этого еще не хватало! Кое-как я взобрался в седло. Лошадь недоуменно косила взглядом на незадачливого седока.

– Эх, моряки, моряки! Кавалеристы из вас и впрямь никудышные! – ухмыльнулся кто-то из офицеров.

Пнув лошадь носками сапог, я потрусил в сторону, откуда, только что пришел.

Вот и гренадерские батальоны Воронцова.

– Ваше сиятельство! – закричал я ему что есть силы.

– А это опять вы, господин невежа! – нашел еще время для иронии граф.

В несколько слов я передал ему приказание Багратиона. В ответ Воронцов передернул плечами, но ничего не сказал.

А через минуту началось святопредставление. Французы навалились огромной массой. Бой шел повсюду. Пробриться к штабу Второй армии теперь не было никакой возможности и я, спешившись, примкнул к усачам гренадерам. На этот раз уже не обошлось без штыковой. Скажу честно, что, повоевав первую и вторую Чечню и, повидав, казалось, всякого, я был потрясен, оказавшись в эпицентре столь ужасной массовой бойни, когда на маленьком клочке земли тысячи и тысячи людей без устали кололи и резали друг друга.

Время от времени воронцовские гренадеры опрокидывали атаковавшие их колонны, но сразу же отходили обратно, прикрываясь цепью стрелков. Воронцов сам водил их в эти кровавые схватки.

В один из моментов боя я его почти спас. Завидев генерала в треуголке с плюмажем, к Воронцову кинулись сразу несколько оказавшихся неподалеку французов. Понимая, что ему не уйти, Воронцов встретил их со шпагой в руке. Волей случая я оказался ближе всех к нему и, не раздумывая, поспешил на помощь. Первого француза я убил сабельным ударом. Пригодилось юношеское увлечение фехтованием в спортивной школе. Остальных добила подоспевшие гренадеры.

– Спасибо, штабс-капитан! – сдержанно улыбнулся Воронцов.

– Капитан-лейтенант, ваше сиятельство! – поправил я его.

– А, моряк значит! – улыбнулся граф уже теплее. – Коли живы останемся, с меня коньяк!

Все же французам удалось на некоторое время занять южную флешь. Но Багратион немедленно бросил в контратаку несколько пехотных батальонов и французы их штыков не выдержали. Отходящих преследовали кавалерией.

Итак, это была вторая атака Даву. Значит, его только что ранили, ранен был и принявший у него корпус генерал Компан. Об этом я, не удержавшись, поведал Воронцову. Тот недоуменно глянул на меня.

– Откуда знаете?

– Увы, но я знаю очень много, может даже слишком много! – только и нашелся я, что ему ответить.

По глазам Воронцова было очевидно, что моя информированность его очень заинтересовала, но переспрашивать он посчитал ниже своего достоинства. Я глянул на часы. Сейчас ровно семь утра.

– Через полчаса французы снова пойдут на флешь. Ней – в лоб, а Жюно – в обход Утицкого леса. Надо готовиться к отражению!

– Не знаю почему, капитан-лейтенант, но я вам уже верю! – усмехнулся Воронцов.

Как я и предсказал, ровно через тридцать минут началась новая бешенная атака.

Едва я вернулся к штабу Второй армии, как получил новое поручение. На этот раз скакать в дивизию, занимавшую позицию слева от деревни Утицы и приказать ее командиру двигаться на Семеновское, ближе к эпицентру французской атаки. Это поручение я выполнил достаточно быстро. Тем временем пришло известие, что к нам послал подкрепления и Кутузов. Но их подхода надо было ждать еще час-полтора, а до этого предстояло сдерживать свежие корпуса французов вдвое меньшими силами.

– Французы решили задавить нас своей численностью! – резюмировал Багратион, глядя на приближающиеся неприятельские колонны, когда я докладывал о выполнении поручения графу Сен-При.

С расстояния в двести метров наши встретили атакующих картечью. Неприятель нес огромные потери, но мощный поток людей, неудержимо катился вперед. Вскоре левая и правая флешь после жестокого штыкового боя были заняты французами. На средней схватка ещё продолжалась.

– Давайте быстро к кирасирам! Пусть немедленно контратакуют! – крикнул мне через плечо Багратион.

И снова я, сломя голову, поскакал по буеракам, мимо гор трупов. Конница уже изготвилась к атаке, и едва я передал приказание, как хрипло запели трубы, и полки рысью двинулись в бой.

Вскоре по всему фронту кипела ожесточенный рукопашный бой и кавалерийская рубка. Французы были выбиты из флешей. Но какой ценой!

Ряды воронцовских гренадер серьезно поредели, а оставшиеся в живых, сбиваясь тесными кучками, начали пятиться назад. Над левой флешью трепетало французское знамя. А вот и сам Воронцов. Размахивая шпагой, он пытался построить остатки ближайших батальонов, еще кое-как державших строй:

– Ребята, становись! Штыки примкнуть! Смотрите, как умирают генералы! Однако тут же, на моих глазах, он был опрокинут наземь, пущенной почти в упор пулей.

– Спасайте графа! – крикнул я ближайшим солдатам.

Сам же встал во главе все еще топтавшихся на месте гренадер, намереваясь их возглавить. Но меня энергично отодвинул в сторону седой подполковник с окровавленной тряпкой на голове:

– Позвольте, сударь. Это не ваша работа, а моя!

– Ружья на руку! Барабанщик атаку! Шагом марш! – обернувшись к гренадерам, прокричал он, и повел колонну навстречу приближавшимся французам.

Когда я прискакал к штабу армии, там уже был и доставленный солдатами Воронцов, а потому я стал свидетелем следующего разговора между ним и Багратионом.

– Куда угораздило тебя, душа моя? – спросил Багратион.

– Кажется в ляжку, – морщась от боли, отвечал граф.

– А дивизия твоя как?

На этот вопрос, граф лишь горько вздохнул, а потом показал рукой на землю рядом с собой:

– Она здесь!

Увидев меня, Воронцов слабо улыбнулся и сказал князю:

– Ваш адъютант показал себя сегодня героем, возглавив атаку!

– Может это и похвально, но у адъютанта командующего иные функции, чем у командира пехотной роты! – вполголоса обронил кто-то из штабных.

После этого Воронцова унесли в тыл, а Багратион уже отдавал новые распоряжения. Я же некоторое время остался без дела и мог оценить весь ужас происходившего у деревни Семеновское. Ядра дождем сыпались на то, что еще недавно звалось деревней. Валились деревья, а избы исчезали, как декорации на театральной сцене. Земля дрожала. Все было в дыму и гари. Вдалеке бежали и падали маленькие фигурки людей и лошадей.

– Голицын и Колзаков ко мне!

Молодой розовощекий крепыш-поручик (видимо, тот самый Голицын) и я подъехали к командующему.

– Голицын, пулей к Раевскому, взять два-три батальона пехоты и несколько пушек, чтобы заткнуть дыру воронцовской дивизии. А ты, Колзаков лети к Тучкову. Пусть выходит из засады в тыл Жюно и отрядит на левый фланг дивизию Коновницына.

– Шпоры! Шпоры, судари! – напутствовал нас генерал Сен-При.

И мы с Голицыным помчались в разные стороны.

Картина, которая открылась передо мной, когда я выехал из Семеновской, была не менее жуткой, чем в самой деревне. Куда-то бежали какие-то солдаты. С грохотом неслась с позиции на позицию артиллерия. Скакали всадники. Земля была изрыта ядрами. Повсюду валялись человеческие и конские трупы – головы, руки, ноги...

Из леса, за которым должен был стоять Третий корпус генерала Тучкова, вырывались огромные столбы огня и дыма. Перед лесом двигались колонны то ли вестфальской, то ли польской пехоты. Пехота Тучкова стояла неподвижно на откосе лесной горы под жестоким огнем и, еще не вступив в бой, несла большие потери. Я прекрасно помнил, что именно там, на откосе погибнет в этот день и сам Тучков. Но точное время его смерти я, увы, не помнил, а потому не знал, застану я генерала живым или нет.

Как оказалось, Тучков был еще жив. Он мрачно прохаживался взад и вперед посреди падавших неподалеку гранат.

– Ваше превосходительство, князь Багратион полагает, что вы стоите за лесом в засаде.

– От кого и с чем присланы? – нервно прервал он мой монолог.

Я доложил:

– Его сиятельство князь Багратион вашему превосходительству повелел передать, что время выходить из засады в тыл вестфальскому корпусу. Сверх того, его сиятельство просит ваше превосходительство отрядить в подкрепление левому флангу третью дивизию генерала Коновницына...

– Что? – крикнул Тучков. – Не могу!

– Ваше превосходительство! Это приказ Багратиона!

– Нет, нет и еще раз нет! Я, братец, старый генерал и знаю, что делаю. Или не видишь, что сам я буду сейчас атакован? Слишком много желающих нынче командовать!

Но ведь, согласно всем историческим документам, дивизия Коновницына была немедленно отправлена к флешам, а остальные силы корпуса атаковали вестфальцев. Что же он упрямится! И, черт возьми, я опять не сдержался:

– По-моему, здесь вообще никто не командует!

– Мальчишка! – закричал на меня Тучков.

Внезапно земля перед моими глазами качнулась. Это, буквально, в метре от нас разорвалась граната. Я только почувствовал, как над головой просвистел целый рой осколков. Когда открыл глаза, Тучков уже лежал на земле с вырванным боком и глухо стонал.

Я знал, что он умирает, а потому, чтобы успеть, подбежал к нему и торопливо начал говорить, мешая ложь с правдой:

– Ваше превосходительство! Ваша супруга передала через меня, что очень вас любит и никогда вас не забудет. На месте вашей смерти она построит монастырь, где станет настоятельницей, и все оставшиеся годы будет молиться за покой вашей души.

Генерал разлепил спекшиеся губы в подобие улыбки:

– Это самая лучшая твоя новость! Спасибо! Передай Мари, что я умираю с ее именем на устах.

Глаза генерала закатились, взор померк, тело дернулось несколько раз и обмякло. Подбежавшие адъютанты и врач еще пытались что-то делать, но я уже знал – бесполезно. Душа отважного отлетела.

Однако время не ждало. Уже через несколько минут я был перед генералом Коновницыным, которому передал приказ Багратиона и известие о смерти Тучкова. Выслушав меня, тот перекрестился и махнул рукой:

– Мы выступаем!

Вскоре 3-я дивизия уже выходила из Утицкого леса на наш левый фланг. Возвращаясь к месторасположению штаба армии, я посмотрел на часы. Было около девяти утра. День еще только начинался, а, кажется, что прожил сегодня на этом поле целую жизнь.

Внезапно я вздрогнул. Еще бы! Я вдруг вспомнил, что буквально через несколько часов должен будет получить свою смертельную рану и Багратион.

Но ведь я знаю, когда и как он будет ранен! А что если попробовать спасти генерала? Вдруг получится! Но ведь тогда изменится вся история войны 1812 года, а вместе с тем и ход мировой истории. Могу ли я вторгаться в столь высокие дела? Но это, с одной стороны. С другой же, не попытаться что-то предпринять, будет с моей стороны предательством. Ведь получится, что, зная о предстоящем ранении князя, я буду сидеть, сложа руки и ждать кровавой развязки. В конце концов, я все же русский офицер, хотя и из другого времени! Короче, будь что будет, но я попытаюсь сделать все, что от меня зависит.

– Пулей к Кутузову! Известить о смерти Тучкова и просить немедленно новых резервов!

Этими словами меня встретили в штабе Второй армии, едва я туда прискакал. Что ж, на войне, как на войне.

* * *

У деревни Горки подле покосившегося дома на пригорке и за небольшой батареей размещался фельдмаршал со своим штабом. Кутузов сидел на складном стуле с подзорной трубой в руках. Когда я подскакал к нему, старик уже ждал меня и в нетерпении проговорил:

– Рассказывай скорей, братец!

Я быстро доложил обо всем, что делалось на левом фланге. Попутно я внимательно осматривал легендарного полководца. Был он действительно рыхл и сед, но никакой черной повязки на глазу не имел, а внимательно смотрел на меня обоими. Впрочем, мне показалось, что левый его глаз все же несколько косил. Кутузов слушал, медленно кивая головой. Его тол-

стое, несколько обрюзгшее лицо оставалось спокойным, даже при известии о смерти генерала Тучкова.

– Как там князь Петр?

– Полон решимости отстоять позицию, но просит подкреплений! – доложил я.

– Пусть держится! А подкрепления ему будут! – ответил Кутузов. – Да осмотрительней скачи, а то, вон, видишь, как нынче Банапартый распалился.

В этот момент невдалеке действительно упало несколько ядер. Что касается меня, то я немедленно поскакал обратно. Главным для меня сейчас было, как можно больше рядом с Багратионом, чтобы постараться спасти его сегодня от смертельного ранения.

Однако быстро добраться до штаба Второй армии не получилось. Отъехав от ставки Кутузова, я попал под артиллерийский огонь французских батарей. Когда же рядом с шипением упала и начала вертеться на земле граната, испуганная лошадь вышла из повиновения и понесла меня куда-то в грохот сражения на правый фланг. Наверное, будь на моем месте, более опытный наездник, он бы без особого труда справился с поводьями, но я, увы, был в этом деле новичок. Так неожиданно для себя я оказался в порядках гвардейской дивизии, которая вела оборонительный бой, с наступающими французами. Не успел я толком осмотреться, как очередное ядро вырвало бок моей бедной лошади. С отчаянным ржанием, бедняга рухнула, едва не придавив меня.

– Вы вашеродие, видать в рубахе родились! – протянул мне руку, помогая встать, подбежавший егерский унтер-офицер. – Вставайте скорее, а то французы уж набегают, счас колоться начнем!

И точно прямо на нас с ружьями наперевес бежала густая толпа вражеских солдат.

Если это позиции гвардейской дивизии и я в расположении лейб-гвардейских егерей, значит, это атакует дивизия Дельзона. Ранним утром он уже выбил гвардейских егерей с высот у села Бородина и вот теперь снова атакует их, но на сей раз уже безуспешно. Впрочем, предаваться историческим изыскам было некогда, прямо на меня набегало сразу несколько французов. Одного взгляда на эту орущую толпу было ясно, что живым мне отсюда выбраться будет сложно. И понеслось! Первый удар штыка я отбил саблей, при этом сам, успев пырнуть атаковавшего в ногу. От второго штыка я просто увернулся, но тут же оказался сразу перед сразу перед тремя набегавшими французами. Деваться было некуда, да и саблей я мало что мог сделать. Неожиданно рядом со мной возник уже знакомый егерский унтер и, фехтуя своим ружьем, в одно мгновение разделался с одним из нападавших, а затем нанес удар прикладом в голову и второму. Оставшись наедине с третьим французом, я вначале уклонился от его удара, а потом, заставив противника раскрыться, поразил в грудь саблей, которая тут же сломалась по самый эфес. Оглянувшись, хотел поблагодарить своего спасителя, как увидел, что тот, сражаясь опять против нескольких нападавших, сумел поразить еще одного, затем другого, но вдруг неожиданно споткнулся о валявшийся под ногами труп. Через мгновение над не успевшим подняться унтером возник очередной француз, готовый нанизать его на свой трехгранный штык. Раздумывать было некогда. Я бросился к неприятелю, не представляя, как буду с ним драться, будучи безоружным. Скорее машинально, чем осознанно я нанес ему сокрушительный «маваши гери» ногой в голову, отчего обидчик моего спасителя рухнул на землю.

Вскочивший егерь с восхищением глянул на меня:

– Эко вы, вашеродие, славно ногами-то деретесь!

На большие разговоры времени не было. Подхватив, валявшееся на земле ружье, я приготовился к новой схватке, но французы уже отхлынули. Теперь надо было выбираться из чужого пекла в свое. Отыскав командира полка полковника Бистрома, я доложил:

– Адъютант князя Багратиона. Был послан к главнокомандующему. Лошадь занесла к вам, убита. Надо вернуться в штаб Второй армии.

– Всяко бывает – философски покачал головой Бистром, как мне показалось не без доли иронии. – Как вы там, держитесь?

– Пока держимся, но бойня страшная!

– Да, сегодня всем достанется! – Бистром взял поданную ему денщиком трубку. – Покурить не желаете? Пока передышка можно и дым из ноздрей попускать! Берите мой табак, хороший – настоящий английский «Блэк Кавендиш»!

– Спасибо! Но не курю, да и спешить надобно.

Бистром велел дать мне резервную лошадь и я, не теряя времени, поспешил на левый флаг. Там, по моем расчетам, сейчас было еще горячее, чем у гвардейцев. Багратиона я нашел в полном здравии и тут же поручил от него новое поручение.

Затем были новые бешенные атаки и новые рукопашные. При этом с каждой атакой ожесточение все больше нарастало. Теперь вместе с Даву и Неем в атаках на позиции Второй армии участвовал и корпус Мюрата. Противники дрались, взбираясь на горы трупов. Флеша снова и снова переходили из рук в руки.

Мотаясь с поручениями по всему фронту Второй армии, я больше всего боялся опоздать оказаться рядом с командующим в решающий момент его судьбы.

В одиннадцатом часу ценой страшных потерь французы отбили у нас все три флеша. С правой флеша пронесли командира восьмого корпуса Горчакова. Голова его была закрыта окровавленной шинелью.

– Правая флеша во французских руках! – запыхавшись, доложил примчавшийся Голицын.

Теперь дрались за последнюю – среднюю. Там отчаянно ходили в штыки Киевский, Московский и Астраханский гренадерские полки. Вскоре новое известие – пал, возглавлявший эти контратаки принц Мекленбургский.

Багратион верхом на лошади с нетерпением ждал резервов. Наконец из дыма появилась шедшая скорым шагом гренадерская бригада. Вот она прошла мимо батарей. Артиллеристы немедленно взяли пушки на передки, вытащили вперед и накрыли наступающих французов густой картечью. Затем мимо выкаченных батарей прошли вперед гренадеры. Навстречу им в колоннах уже надвигались французы. Колонны сближались в страшном молчании. Впереди бригады шагал командир гренадеров князь Кантакузен. Жить ему оставалось всего ничего.

– С богом, князь-душа! – крикнул ему Багратион и прибавил уже в полголоса.

– Хотя бы ему уцелеть!

– Его сейчас убьют! – сказал я жестко и отвел взгляд.

Тем временем гренадеры Кантакузена рванулись вперед. Началась жутчайшая рукопашная резня. Вскоре враги уже поражали друг друга на гудах мертвых и умирающих соратников. Вот выронил из рук шпагу и упал Кантакузен...

Ровно в одиннадцать часов кирасиры и егеря отбросили вестфальский корпус Жюно в лес, из которого он вышел, а полки Нея заняли среднюю семеновскую флешу. Больше на этом крыле левого фланга укреплений не было. Наши войска сгрудились между флешами и деревней Семеновской. Картечный ураган сеял в их рядах страшное опустошение. С захваченных французами флешах артиллерия тоже пала в нашу сторону.

– Надобно отбирать назад флеша! Бери свою Третью дивизию и наступай. Я с тобой пойду – велел Багратион подъехавшему генералу Коновницыну.

Сам же он поскакал к остаткам бригады Кантакузена, сбившейся в небольшом овраге без офицеров, перебитых во время последней атаки.

– Храбрецы мои! Я поведу вас! За мной!

Появление любимого военачальника вызвало у гренадеров приступ восторга:

– Ур-ра! Веди, отец! Умрем!

Ударили барабаны. Гренадеры, взяв ружья на руку, двинулись вперед. Их контратаку поддерживала артиллерия. Эта была атака на грани отчаяния, на грани безумия. Шансов выжить у атаковавших практически не было. Все это прекрасно понимали, но все равно в едином порыве устремились за любимым князем. Думаю, что возглавить эту атаку смертников мог только Багратион и более никто другой во всей нашей армии. Как бы то ни было, гренадеры под началом Багратиона ворвались на флешы и выбросили оттуда неприятеля.

Атака эта длилась всего четверть часа. Потери при этом были огромны. Но главное было сделано – французов снова вышибли. Тем временем Коновницын с успехом действовал слева и справа. Ввел в бой своих кирасир и Васильчиков. Кавалеристы скакали поэскадронно, на больших дистанциях. Кирасиры сидели на лошадях вороной масти, и оттого лавина их, быстро мчавшаяся к флешам, казалась черной. В руках они сжимали огромные, как средневековые мечи, палаши-эспадроны. Увидев проносящихся мимо кирасир, Багратион помахал им шляпой.

– Как думаешь, не введет Наполеон сегодня в бой гвардию! Боюсь, что ее удара мы можем не выдержать! – повернулся затем князь Петр к появившемуся подле него графу Сен-При.

И тут черт меня дернул за язык! Не успел начальник штаба армии ответить, как я выпалил:

– Сегодня не будет использована ни старая гвардия, ни молодая! Наполеон не решится использовать свой последний стратегический резерв!

Генералы переглянулись. Багратион неодобрительно промолчал, а Сен-При неодобрительно покачал головой.

– Прощу прощения, ваше превосходительство! – продолжил я. – Но сведения у меня совершенно точные! Я вообще знаю, каждый миг того, что случится сегодня.

– Так что же будет дальше?

– Сейчас Наполеон убедился, что фронтальным ударом флешей не взять. Вскоре будет очередная атака, но уже свежего корпуса Жюно. Эта атака будет в обход флешей с юга. Одновременно Даву и Ней пятью дивизиями ударят с запада!

Багратион и Сен-При переглянулись.

Когда через некоторое время стало очевидно, что все разворачивается именно по моему сценарию, генералы переглянулись еще раз.

– Колзаков, находитесь теперь все время при мне! – бросил Багратион. – Уж не знаю, откуда у вас сведения о неприятеле, но сейчас это может пригодиться.

Тем временем началась уже шестая атака. Как я и предсказал, пять пехотных дивизий Даву и Ней двинулись с запада, а две пехотные дивизии под командованием Жюно – с юга.

Однако, используя новые резервы, Багратион успел встретить их достойно. Наши вовремя контратаковали и вновь отбросили неприятеля. Жюно отогнали тремя полками кирасир. Опасность обхода флешей с юга миновала.

– Ну, колдун, что по вашим гаданиям будет дальше? – не без ехидства поинтересовался дежурный генерал штаба армии, (а в светской жизни известный острослов и поэт) флигель-адъютант Марин.

– Будет седьмая атака! – пожал я плечами. – Ней и Даву будут снова атаковать в лоб, а Жюно снова попытается обойти флешей с юга.

Разумеется, что все произошло в точности, как я и говорил. Снова были ожесточенные рукопашные схватки, снова французов отбили.

Неподалеку у разбитого лафета сидел солдат. Правая рука у него отсутствовала. Вместо нее из локтя торчал конец кости, туго перетянутый окровавленным платком. Во рту солдата была трубка, а здоровой рукой он высекал огонь из самодельного огнива.

Поймав взгляд, он виновато улыбнулся:

– Так что, кажись, отвоевался я под чистую, ваше благородие!

Я смотрел на завораживающую в своем ужасе картину грандиозного сражения и вспоминал воспоминания одного из участников Бородина: «Воздух над полем битвы содрогался от рева сотен орудий, ядра со свистом врезались в стоящие ряды пехоты, вспахивали поле битвы, катились и прыгали по нему. От левого фланга до середины открылась ужасная канонада из пушек, гаубиц, единорогов. Выстрелы так были часты, что не оставалось промежутка в ударах: они продолжались непрерывно, подобно раскату грома, произведя настоящее землетрясение. Густые облака дыма, клубясь от батарей, возносились к небу и затмевали солнце... Лошадь моя шла и часто останавливалась от прыгающих ядер, на пути множество валялось убитых и раненых солдат, которых ратники московские, увертываясь от ядер, подбирали и уносили назад. Несколько неприятельских ядер попадали в самые дула наших орудий, не мудрено, что в таком множестве, летая с одной стороны на другую, они сталкивались и, отскакивая назад, били своих».

Раньше я думал, что офицер-мемуарист кое-что преувеличил в своем рассказе, сейчас же, смотря широко открытыми глазами, на творившееся вокруг меня, понимал, что он, наоборот, был предельно милостив к читателю, не нагружая его картинными, происходивших вокруг ужасов.

Кошмар происходящего был настолько силен, что я никогда не сумею пересказать и описать всего увиденного в тот день мной. Помню, что смотря на ужасную штыковую резню сразу нескольких тысяч человек, из глубин памяти неожиданно всплыли строки лермонтовского «Бородино»: Вам не видать таких сражений!..

Носились знамена, как тени,
В дыму огонь блестел,
Звучал булат, картечь визжала,
Рука бойцов колоть устала,
И ядрам пролетать мешала
Гора кровавых тел.
Изведал враг в тот день немало,
Что значит русский бой удалый,
Наш рукопашный бой!..
Земля тряслась – как наши груди,
Смешались в кучу кони, люди,
И залпы тысячи орудий
Слились в протяжный вой...

Достаточно часто через нас с противным визгом пролетали ядра. Некоторые падали то ближе, то дальше. Увидев очередное медленно катящееся к нам ядро, я рассеянно хотел, было, толкнуть его ногой, как вдруг кто-то порывисто отдернул меня назад.

– Что вы делаете? – воскликнул один из стоявших неподалеку адъютантов. – Как же это вы, офицер, забыли, что даже такие ядра по закону вращения около своей оси не теряют убойной силы! Если вы только прикоснетесь к нему, оно мгновенно оторвет вам ногу!

Остальные смотрели на меня с нескрываемым удивлением, как смотрят на полного идиота. Поблагодарив адъютанта за совет, я отвернулся. Не объяснять же им, что в XXI веке никто даже в военных академиях не разъясняет как вести себя, если к тебе катятся ядра.

Было уже около половины двенадцатого. День был точно такой же, как и двести лет спустя – солнечный и жаркий. Но на поле сражения было темно от дыма и пыли. Грохот артиллерии разносился на десятки километров.

– Сколько еще будет атак? – спросил меня Багратион.

– Будет еще одна, но самая сильная. Наполеон бросит на вас более 45 тысяч человек.

- Выдержим ли в таком случае? – с тревогой посмотрел на Сен-При Багратион.
- У нас уже не осталось и половины от начального! – хмуро ответил тот.
- Поможет Кутузов. Сейчас он пошлет кавалерию с правого фланга в тыл Наполеону. –

вставил я.

- И клюнет? – покосился на меня князь Петр.

– Клюнет!

– Когда начнется рейд?

– В половине двенадцатого.

– Кажется, французы снова двинулись! – раздалось встревоженные голоса. Поддерживаемые огнём своей артиллерии дивизии Даву, Нея и Жюно в густых колоннах снова бросились на флешу. Наша картечь безжалостно косила их, но тройное превосходство в силах позволило французам на этот раз быстро захватить флешу. Тогда Багратион двинул в контратаку всех, кто еще оставался в живых. Началась очередная ожесточенная рукопашная схватка. Наши дрались с такой яростью, которую только вообще можно представить.

Все это время я старался держаться как можно ближе к Багратиону. Время ранения генерала было известно историкам лишь приблизительно, и я боялся прозевать момент, когда Багратиона можно будет спасти. Мое усердие не ускользнуло от полковника Марина, который понял мое поведение, как желание сблизиться с командующим. Поэтому полковник демонстративно делал все, чтобы оттеснить меня от Багратиона. Я же, в свою очередь, старался обмануть его бдительность и снова оказаться рядом с Багратионом. Наверное, сор стороны это выглядело идиотски. Сам князь на нашу возню не обращал никакого внимания, будучи поглощен руководством отражения атаки.

В какой-то момент мне показалось, что момент для спасения командующего настал. Я бросился к князю и с силой оттолкнул его в сторону. Но никакого ядра не оказалось и в помине. Багратион едва удержался на ногах.

– Простите, ваше превосходительство, но мне показалось, что в вас летит ядро! – промямлил я в свое оправдание.

– Креститься надо, когда кажется! – тут же подал голос «недруг» Марин.

– Вы что себе позволяете, Колзаков? – раздраженно бросил Сен-При. – Езжайте к Коновницину, посмотрите, что и как у него.

Но если я уеду, тогда Багратиона уже ничто не спасет. Он будет обречен. И тут я почувствовал, что все произойдет буквально через несколько мгновений. Неожиданно для всех окружающих я с силой оттолкнул стоявшего рядом Марина и, бросившись на Багратиона, буквально отбросил его в сторону, а потом, навалившись сверху, накрыл своим телом. В это же секунду в то место, где только что стоял генерал с силой вонзился раскаленный осколок ядра.

Мгновение все оторопело молчали.

– Да слезьте ж с меня Колзаков! – первым пришел в себя, выбираясь из-под меня Багратион. – Вы совсем потеряли чувство меры!

– Может я и потерял чувство меры, ваше превосходительство, но только этот осколок ядра предназначался лично вам! – ответил я, отряхиваясь от налипшей грязи.

– Почему именно мне? – нахмурился Багратион, уже понявший, что осколок действительно был «его» и только что он чудом остался жив.

– Я знал это, также как и все то, о чем говорил вам раньше!

– Ладно! – махнул рукой князь. – Сейчас не до этого! – Скачите к подходящим резервам. Поторопитесь и узнайте, сколько нам прислали!

– Давайте, Павел Андреевич, поторапливайтесь! Дорога каждая минута! – опять вставил свои «пять копеек» флигель-адъютант Марин.

Взобравшись на свою лошадь, я потрусил в тыл. Подходящие резервы я нашел довольно быстро и, выяснив, сколько и чего прислал нам фельдмаршал, поспешил обратно. Нехорошее предчувствие меня не покидало.

Мимо меня солдаты бегом на носилках пронесли укрытого кровавой шинелью генерала.

– Кто несете? – окликнул я их – Неужели Багратиона?

– Генерал Сен-При! – ответили мне мрачно солдаты.

А черт, ведь Сен-При был ранен почти одновременно с Багратионом. Отчаянно понукая свою не слишком послушную лошадь, я поспешил к месту, где располагался штаб Второй армии. Когда я прискакал в расположение штаба, то застал там полное смятение.

– Я знаю, что ранен генерал Сен-При! – сказал я Марину. – Но не вижу нашего князя. Где он?

– Только что ранен! – хмуро глянул на меня Марин.

– В бедро? Осколком ядра?

– А вы откуда знаете? Ах, да я забыл, что вы знаете все и обо всех! Только толку от ваших знаний никакого! – зло сплюнул Марин и отвернулся.

Тут мне крыть было нечем. Как ни крути, а Марин был прав – толку от меня действительно было сегодня немного. От ранения я князя Багратиона так и не спас. Однако время ранения Багратиона сейчас все же несколько иное, чем в классическом варианте, так может, и рана будет несколько иная, чем та, которая оказалась для князя смертельной? И, как знать, может быть, колесо истории все же повернется в другую сторону? Мне бы быть сейчас с князем рядом, чтобы помочь ему выкарабкаться, ведь я кое-что читал о том, как его лечили, и, быть может, смог бы помочь ему. Но ведь не покинешь в разгар сражения поле брани – это уже дезертирство, даже для морского пехотинца из другого времени, даже если у него имеются на это самые веские основания. Что ж, покоримся судьбе.

– Его превосходительство повезли в Москву, и он приказал, чтобы вы его сопровождали! Так что догоняйте! Они только что отъехали! – неожиданно заявил мне флигель-адъютант Марин, открыто не скрывая неприязни.

И чего он на меня взъелся? Я что ему дорогу перешел? Впрочем, черт с ним. Отношения будем выяснять потом.

– И чего это князь в вас нашел! Все ваши пророчества чистый вздор! – снова подал голос дежурный генерал армейского штаба.

– Держу пари, что армию через четверть часа временно возглавит Коновницын, а потом Дохтуров! – огорошил я на прощание Марина своим очередным откровением. – Проигравший ставит ящик шампанского. Счастливо оставаться!

Может быть, это покажется непатриотичным, но покидая поле бородинского побоища, я испытывал сильное облегчение, причем вовсе не от того, что я сохраню собственную жизнь, а от того, что не стану свидетелем еще множества смертей, да и сам буду избавлен от неизбежности убийства других.

Глава вторая

Как мне впоследствии рассказали, Багратион поначалу отказывался покидать поле боя, «истекая кровию без перевязки раны». Тем временем адъютанты, «видя изнеможение, искали врача для подания ему помощи». Старший врач лейб-гвардии Литовского полка Яков Говоров оказался первым из таких и сразу же сделал князю простую перевязку на перевязочном пункте Литовского полка, провел наскоро зондирование, исследовав глубину и ширину раны. Осмотр раны и ее зондирование производили по обычаям того времени без всякого обезболивания. Несмотря на жуткую боль, Багратион не произнес ни слова, лишь изгрыз свой янтарный мундштук. Так, увы, безжалостно поступали в то время все врачи. К концу перевязки Багратион находился уже в состоянии шока.

Когда я нашел князя, ему только что закончили осмотр раны и заканчивали перевязку. В это же время на санитарный пункт принесли и тяжело контуженного начальника штаба Второй армии графа Сен-При. Граф был в сознании и держался хорошо. Услышав голос Сен-При, Багратион открыл глаза и спросил:

- Кто командует на левом фланге?
- Временно генерал Коновницын.
- А кто назначен?
- Дохтуров.

Багратион вздохнул:

- Слава богу! Москва спасена!

Затем к нам пришло известие, что после полудня маршал Ней снова атаковал деревню Семеновскую, прибывавшие раненные рассказывали о том, как отбивались от французских кирасир наши гвардейские полки – Измайловский, Литовский и Финляндский, о блестящем отступлении генерала Коновницына за деревню. Затем раненные офицеры привезли слухи, что батарея Раевского взята французами, но случившимся поблизости генералом Ермоловым солдаты вернули ее обратно. Много небылиц рассказывали о рейде казаком атамана Платова в тыл французам. Те, кто был в силах, обсуждали новости, и радовались успехам.

Тем временем, посоветовавшись, врачи решили везти Багратиона в Москву, чтобы уже там, оказать ему более квалифицированную медицинскую помощь.

Мы вместе с адъютантом Андреем Голицыным перенесли князя в коляску. Меня он не узнал. На скамью кинули бурку и несколько шинелей, чтобы страдальцу было помягче. Багратион, когда его переносили, был все еще в забытии. Помимо генерала в коляску сели доктор Говоров со своим саквояжем и еще какой-то неизвестный мне лекарь. Мы с Голицыным решили сопровождать коляску верхами.

Когда Багратиона усаживали в коляску, он, приоткрыв глаза и, узнав меня, разлепил спешившие губы:

- Как резервы, подходят?
- Так точно, ваше сиятельство! Уже подошли и вступили в бой Лейб-гвардии Измайловский, Литовский и Финляндский полки, три полка первой кирасирской дивизии и две батареинные роты гвардейской артиллерии.
- Славно! – прошептал Багратион и закрыл глаза.
- Трогай! – крикнул я кучеру, и коляска поехала.

Вдоль обочины ковыляла раненные. Кто-то помогал товарищам, кто-то, выбившись из сил, падал на землю. Через последних просто переступали.

- Павел Андреевич! Павел Андреевич! Слава Богу, что вы живы!

Я обернулся. Мне махал рукой, перепачканный гарью флотский лейтенант. Ясно, что это был офицер гвардейского флотского экипажа, прекрасно меня (а вернее, моего прапрапрадеда)

знавший. Но кто он такой и как мне себя с ним вести? Подумав, я решил действовать напрямую. Придержав поводья, улыбнулся:

– Здравствуйте, лейтенант! Простите, но после контузии я с трудом вообще что-то сейчас соображаю и понимаю, потому и направлен сопровождать раненного князя Багратиона в тыл. Еще раз простите за контузию, но кто вы такой?

– Я Лист... Адам Иванович Лист! Припоминайте мы с вами третьего дня вместе в палатке у вашего братца Александра пили чай с баранками.

– Да, да, что-то припоминаю.

Опана! Я же совсем забыл, что у моего прапрапрадеда был еще и младший братец Александр, который так же дрался при Бородине. Не хорошо забывать родственников!

– Ну, а как дрался наш экипаж? Большие ли потери?

– В ожидании начала боя у села Бородино мичман Лермонтов и три десятка нижних чинов находились у моста на реки Колочка, чтобы при первой потребности уничтожить мост. Когда французы у моста напали на стоявших там гвардейских егерей и те с потерями отступили. Лермонтов тот мост сжег и порушил, потеряв шестерых матросов. Я же был все время при наших пушках недалеко от вас на левом фланге, где меня и контузило. А со мной ранен еще известный вам унтер-лейтенант Киселев и семь нижних чинов. Что касается братца вашего Александра, то ни о его смерти, ни о ранении я ничего не слышал. Дай бог, живой.

– До встречи Адам Иванович! Поправляйтесь!

– До встречи, Павел Андреевич!

Подгоняя каблуками своего коня, я быстро догнал едва продвигавшуюся по забитой дороге карету. Как не стремился правивший ей казак, ехать быстрее, из этого мало что получалось. Вся дорога была запружена бредущими ранеными и уходящими на Москву обозами.

Думая, что князь находится в полузабытьи, ехавшие с ним в коляске доктора начали вполголоса совещаться:

– Если не отнять ногу под коленом – антонов огонь неизбежен.

Багратион неожиданно приоткрыл глаза:

– Не дам! Без ноги – не жизнь мне!

Доктора сразу приумолкли.

Навстречу шли солдаты, но в основном ополченцы, задействованные для выноса раненных. Только через пару часов нам удалось выбраться на свободную дорогу и дело пошло веселее. За все это время Багратион не проронил ни слова, только однажды слабым голосом подзвал меня:

– Скажите, Колзаков, кто сегодня, в конце концов, одержит верх!

– Если честно, ваше превосходительство, то над итогами сражения при Бородине историки будут спорить еще, по меньшей мере, двести лет. – доложил я, свесившись с коня.

– Неужели так все сложно? – повел своей клочковатой бровью князь.

– Достаточно. Наполеон одержит сегодня определенный тактический успех, тогда как стратегическая выгода останется за нами.

– Значит, флешей мы сегодня все же неудержим! – мрачно констатировал Багратион и замолчал.

Представляю, если бы я сейчас рассказал ему о предстоящем оставлении Москвы, что бы с ним было. Но всему свое время.

Через несколько часов нахождения в седле я уже не мог сидеть верхом на лошади. Все что можно было натереть, давно было натерто и перетерто, поэтому каждое движение причиняло жуткую боль, причем, чем дальше, тем все более нестерпимую. Наконец, не выдержав этой пытки, я попросился пересесть на облучок рядом с возницей-казакком. Вместо ответа, Багратион слабо кивнул и я, стгорая от стыда, перебрался на вожденный облучок.

– Моряк в седле, что вша на сковороде! – не слишком тактично прокомментировал ситуацию бородатый возница.

Боже, никогда не думал, что это такое счастье после пытки кавалерийским седлом трястись по раздолбанной грунтовой дороге, подпрыгивая на каждой кочке. Ладно, неумение ездить на лошади, вполне можно списать на то, что я моряк. Ну, а вдруг речь пойдет о терминах парусных кораблей, из которых я только и помню, что «амба», «карамба», да некий таинственный грот-фор-марсель. Что тогда-то мне делать? С другой стороны, чего раньше времени истерить! Как говорил классик – главное ввязаться в бой, а там разберемся, что к чему.

Между тем, Багратион продиктовал Голицыну письмо императору Александру: «В деле 26-го и я довольно нелегко ранен в левую ногу пулею с раздроблением кости, но, ни малейше не сожалею о сем, быв всегда готов пожертвовать и последнею каплею моей крови на защиту Отечества и августейшего престола; крайне, однако ж, прискорбно одно только то, что я в сие важнейшее время остаюсь в невозможности далее показать мои услуги». Закончив диктовать, генерал откинулся и закрыл глаза.

* * *

Дорога располагает к раздумьям. А собраться с мыслями и подумать, было о чем. Вспомнились родители и то, что за последние годы я не слишком часто их навещал, а теперь, вероятно, уже никогда не увижу. От этого мне стало больно и обидно. Знают ли папа с мамой о моей пропаже? А может быть, как иногда показывают в фантастических фильмах, сколько бы я не пробыл в прошлом, в будущем время для меня, как бы, остановилось, и если я потом вернусь обратно, то вернусь в тоже мгновение, когда превратился в «попаданца» 1812 года. Хорошо если бы все именно так и оказалось в действительности. Ведь иначе, родители сойдут с ума в неведении о моей судьбе. Им и так хватило истории со старшим братом.

Что касается старшего брата Петра, то о его судьбе я давно уже ничего не знал. Брат был значительно старше меня, и уже в середине 80-х годов служил в разведуправлении Главного штаба ВМФ. Последнее письмо брат прислал нам, вернувшись из командировки в Новороссийск, когда там погиб теплоход «Адмирал Нахимов». Судя по всему, Петя участвовал в расследовании этого трагического ЧП. А затем нам позвонили и сообщили, что брат пропал без вести во время боевой службы на гидрографе в Северной Атлантике. Впрочем, отец, ездивший в Москву, разузнать подробности исчезновения брата, вернулся оттуда с твердым убеждением, что начальники многое недоговаривают и что, наш Петя жив.

– Разведка, есть разведка и, возможно, он просто выполняет какое-то секретное задание, а потому не имеет права извещать о себе! – так сказал отец заплаканной маме.

С этой надеждой родители и жили. А стоявшая на столике перед кроватью родителей любимая фотография Пети с пятью курсантскими «галками» на левом плече так и не была увенчана черной лентой. Уже много лет спустя, во время учебы в академии, когда я однажды шел по Невскому проспекту, передо мной неожиданно остановился черный «Мерседес». Тонированное стекло опустилось, и на меня глянул седеющий человек средних лет. Наши взгляды на мгновение встретились, и мне показалось, что я узнал в нем своего старшего брата. Однако прежде чем я успел что-то предпринять, машина рванула с места, оставив меня стоять в полном недоумении. Впрочем, возможно, все это было лишь игрой моего воспаленного ума. Недаром пишут, что многим людям чудятся в толпе их умершие близкие...

С мыслей о брате я вернулся к самому волнующему для меня в данной ситуации вопросу, каким образом я перенесся на двести лет назад в самый эпицентр Бородинского сражения?

Впрочем, я прекрасно понимал, что, скорее всего, на этот вопрос ответа никогда не найду. В фантастических романах герои-«попаданцы» в другие эпохи в большинстве своем, пройдя немислимые приключения на других планетах или в весьма отдаленных полусказо-

ных эпохах, все же возвращались в свое время. В одних случаях им были некие знаки свыше, в других по пути попадались колдуны и колдуньи, которые и телепортировали этих исторических шатунов обратно. Увы, у меня все куда более прозаично – 1812 год, Отечественная война и я в теле и в образе собственного пращура. Ну, ладно, я самозванец, а куда делся реальный флигель-адъютант капитан-лейтенант Колзаков? Неужели его бедолагу отправили в наше время? Представляю его проснувшегося в 2012 году под дубом на Бородинском поле! Тут есть, от чего и мозгам сдвинуться! Удастся ли ему адаптироваться, если его действительно занесло в наше время? Не отправят ли моего боевого прапрапрадедушку в психушку, когда начнет всем доказывать, что он адъютант князя Багратиона. Мне, честно говоря, в этом плане легче. Я хоть как-то представляю его эпоху. А он о моей не имеет ни малейшего представления.

Я неплохо знал биографию своего прапрапрадедушки, в образе которого ныне обретался, а потому, пользуясь возможностью, постарался восстановить в памяти вехи его жизненного пути до сегодняшнего дня. Вообще-то я мог бы восстановить и то, что было с реальным Колзаковым и после, вплоть до его смерти. Но в этом у меня пока не было необходимости.

Итак, Павел Андреевич Колзаков родился в городе Туле 18 июля 1779 года в семье дворян Тульской губернии. Имел двух младший братьев Андрея и Владимира. В 1790 году поступил в Морской кадетский корпус, из которого выпущен в 1795 года мичманом в Балтийский флот. В 1795–1796 годах плавал в Финском заливе, в 1797 году командирован в Архангельск на строившийся там фрегат «Азия» и по окончании строительства отплыл на нём к эскадре вице-адмирала Тета в Англию, а затем, будучи в отряде контрадмирала Карцова, ушёл в Средиземное море на соединение с эскадрой адмирала Ушакова. С 1798 по 1801 год принимал участие в военных действиях флота адмирала Ушакова в Средиземном море. В кампании 1805 года против Наполеона принимал участие в десанте русских, шведских и английских войск на остров Рюген. В 1808–1809 годах участвовал в войне со Швецией, командуя отрядом лодок на Сайменском озере. В 1808 году по приказу Барклай-де-Толли перетащил с моря в озеро Калавеси, у Куопио, двенадцать канонерских лодок для оказания помощи войскам, находившимся у Куопио, чем оказал нашим войскам существенную помощь. После войны командовал яхтой «Нева», выстроенной для великого князя Константина Павловича. В 1811 году был назначен ротным командиром во вновь сформированный гвардейский экипаж, произведён в чин капитан-лейтенанта и назначен флигель-адъютантом цесаревича, с которым имел доверительные отношения. Сопровождая повсюду великого князя. В 1812 году, после его отъезда из действующей армии, остался в качестве адъютанта при генерале Багратионе. Кстати, за участие в сражении при Бородине мой пращур получил чин капитана 2-го ранга «за отличие».

Что и говорить, биография вполне достойная. И у великого князя в любимчиках, и у Багратиона на примете, да и Барклай-де-Толли, думается, тоже не забыл оказанную ему некогда услугу. Другой вопрос, что с этой биографией делать дальше? Как ей распорядиться? Насколько я помнил, родители реального П.А. Козакова к этому времени уже отошли в мир иной. С братьями отношения так же выстроить было можно. Во-первых, я старший из братьев, а во-вторых, контуженный, а потому и малость чудаковатый. Хуже было другое. Я напрочь не помнил, был ли мой прапрапрадедушка в 1812 году женат. Если нет, то это просто здорово, а если уже обзавелся супругой? Что делать в таком случае? Я не представляю, каким был вкус на женщин у моего далекого предка. Кроме этого, выстраивать какие-то отношения с собственной прапрапрабабушкой, было бы, скажем так, нетактично. Но всему свое время. Не будем заранее паниковать, а будем решать проблемы по мере их поступления.

* * *

Что касается ранения Багратиона, то я, в свое время, достаточно много об этом читал, а потому представлял в общих чертах, как именно был князь ранен, помнил в общих чертах,

как его лечили, какие при этом были допущены ошибки и чем, в конце концов, все кончилось. Даже в работах хирургов-профессионалов начала ХХI века в своих статьях спорившие, можно были или нет спасти раненного генерала, откровенно признавали, что даже имея на вооружении самые современные методы, никто из них не смог дать 100 % гарантии спасения Багратиона. Ранения в бедро – традиционно считаются одними из самых тяжелых и смертельно опасных. Именно так как Багратион был в 1943 году ранен другой известный российский полководец генерал Ватутин и, несмотря на то, что в это время полевая хирургия была уже ни чета той, что была во времена Бородина, Ватутина так же не удалось спасти. Да, что там говорить о Великой Отечественной! Я сам на собственном опыте во время боевых действий в Чечне знал от знакомых хирургов, что при серьезных ранениях в область бедра более 20 % раненных погибает, не говоря уже, о почти неизбежных ампутациях. Таким образом, решив начать борьбу за жизнь Багратиона, я поступил достаточно опрометчиво, ибо никаких гарантий того, что все завершится благополучно, у меня не было, а вот навсегда перечеркнуть свою и так не слишком большую репутацию было очень легко. Но мог ли я, с детства обожавший этого героя без страха и упрека, отказаться от того шанса, который мне предоставила судьба – попытаться спасти своего кумира?

Чем я реально мог помочь раненному князю? Во-первых, тем, что только я в точности знал, что будет с ним дальше. Ну, а во-вторых, у меня был еще один «туз в рукаве». Правда говоря, я не знал, поможет ли он мне, но если имеешь туз в своем рукаве, то почему бы им не воспользоваться? И я бросил вызов злодейке-судьбе.

– Господин штабс-капитан! Впереди деревня, нам надо там сделать перевязку князю! – окликнул меня доктор Говоров. – Езжайте вперед, поищите свободный дом для князя. Ему надо сделать перевязку, да и отдохнуть от тряски не мешало бы!

– Я, господа, имею чин капитан-лейтенанта! – напомнил я доктору.

– Нам, господин капитан-лейтенант без разницы, в каком вы чине. Нам сейчас князя вытаскивать надо! – резонно заметил он мне.

Дорога была, по-прежнему, заполнена подбитыми орудиями и ящиками, лазаретными фурами и бесчисленными повозок. Бородатые ратники тащили на носилках раненных, многие тащились сами. Повсюду на обочинах в беспорядке валялись трупы, умерших по пути и выброшенных из повозок. Пересев на свою лошадь, я постучал по ее бокам каблуками, мол, поехали! Подумав немного, кобыла нехотя двинулась вперед. Теперь мне предстояло исполнить роль квартирнера в переполненном ранеными Можайске.

Отогнув обшлаг рукава, я глянул на часы. Было около пяти вечера. С момента моего появления в этом мире прошло всего несколько часов, а ведь по ощущениям минула целая жизнь. Что ждет меня впереди, удастся ли прижиться в этой моей новой жизни, удастся ли вернуться обратно в то время, в котором я и должен был находиться с момента моего рождения до момента смерти, ничего этого я тогда не знал, да и не мог знать.

На въезде в деревню стояли казаки и никого туда не пускали, крича:

– Нам велено впускать сюды одну артиллерию, а обозам назначено объезжать селенье!

– У нас в коляске раненный генерал! – гаркнул я им в ответ.

Но никого этим не испугал.

– А нам што енерал, што сам фельдмаршал! Сказано не пущать, значить не пущать! – раздалось сразу несколько голосов.

– Где ваш офицер?

– Наши урядники да сотники на Бородине, а тута есть один из ополченцев! Да вон он!

К нам уже бежал, придерживая саблю, моложавый офицер в очках. Увидев мои золотые аксельбанты, он на ходу приложил пальцы к треуголке:

– Титулярный советник Михайловский-Данилевский, состою при петербургском ополчении!

– Почему не впускаете коляску?

– Таков приказ главнокомандующего.

– В коляске раненный генерал Багратион и нам надо как можно скорее осмотреть его рану!

– Извините, я не знал, – покраснел коллежский регистратор и поправил очки на носу. – Конечно же, проезжайте.

Проезжая мимо, Багратион слабо кивнул ему головой.

В первой же избе развернули наскоро лазарет, Князя перенесли туда на руках. Он был в полубоморочном состоянии. Глядя на страдающего Багратиона, я понял, что надо срочно брать власть в свои руки. Да я не врач, но альтернативы все равно нет. Старшего врача Литовского полка Якова Говорова я довольно нагло инструктировал:

– Когда прозондируете раны, непременно найдите в ней осколок ядра и удалите осколки разбитой кости и остатки белья! Причем сделайте все как можно тщательнее! Вам понятно?

– Вы не врач и не можете мне указывать, что мне делать, – обиделся Говоров.

– К тому же откуда ваше предположение, что у князя перебита кость?

– У меня не предположение, – зло глянул я на него. – У меня уверенность!

– Откуда же!

«От верблюда» хотелось ответить мне, но я сдержался, решив оставаться в рамках приличий.

– Властью данной мне императором, как флигель-адъютанту с этой минуты все руководство лечением князя я беру на себя! – грозно заявил я обоим эскулапам.

– Но вы же профан в медицине, как же вы будете лечить его превосходительство! Это же огромная ответственность!

– Зато, господа я знаю, как будете лечить его вы, и чем вся эта ваша деятельность закончится! – зло ответил я.

Возникла пауза.

– У меня особый дар, я многое знаю наперед, – повернулся к полулежащему с откинутой головой Багратиону. – Именно поэтому я и говорю вам, что генерал Багратион ранен в переднюю часть правой берцовой кости черепком чиненого ядра. К моим советам прислушивается даже сам князь. Не правда ли, ваше превосходительство?

– Именно так, – приоткрыл тот глаза, – Слушай его Яков, сей флигель- адъютант все насквозь зрит.

– Понятно ли вам теперь? – продолжил я психологическую атаку. – А потому отныне вы будете делать то, что скажу вам я.

– Хорошо, пусть будет по-вашему. – пожал плечами врач Литовского полка и, понизив голос, добавил. – Однако и ответственность тоже будет в таком случае на вас.

– Безусловно!

Говоров хотел, было, уже залезь в кровоточащую рану серебряным зондом, когда я, остановив его, расстегнул свою войсковую аптечку и, достав оттуда шприц с пирамидоном, воткнул его рядом с раной, введя порцию антидота. Доктор вопросительно взглянул на меня.

– Так надо! – сказал я ему. – Это обезболивающее! Английское! Теперь давайте суйте свой зонд.

После этого Говоров принялся за работу. Он внимательно осмотрел окровавленную рану и исследовав ее глубину и ширину.

– Рана сопряжена с повреждением берцовой кости.

– Это мне и так известно.

Говоров уже собирался вытаскивать свой инструмент, но я его придержал:

– Ищите осколок ядра и осколки костей!

– Вы в этом уверены?

– Опять двадцать пять! Вы же врач и должны понимать, что, если нет выходного отверстия, значит, осколок ядра остался в ране. Ищите, да побыстрее, больному нужен покой!

Наконец Говоров извлек из раны осколок ядра, несколько осколков кости, а также лоскутья от генеральских штанов.

– Это обломок большеберцовой кости. Этот откол с несомненностью свидетельствует о серьезности ранения. Ведь повреждение большеберцовой, самой мощной кости человеческого скелета позволяет вам определить масштабы нанесенных осколком повреждений, независимо от величины входного отверстия, и поставить правильный диагноз.

– Ну, и какой же, по-вашему, диагноз? – поджал губы доктор Говоров.

– Огнестрельный многооскольчатый перелом большеберцовой кости левой голени! Вы, как лечащий врач обязаны обеспечить покой конечности больного, ограничить его сотрясения во время езды, это уменьшит боль.

В это время в избу вошел кем-то оповещенный лейб-врач императора Яков Виллие. Повертев в руках осколок кости, многозначительно сказал:

– Сие есть *corpus tibiae!*

– Что он сказал? – посмотрел я на Говорова.

– Он подтверждает, что это большеберцовая кость!

Виллие вторично рассмотрел рану, достал еще несколько осколков костей и что самое главное остатки одежды.

– Рана сия не слишком тяжелая!

– Вы ошибаетесь, – огорошил я его. – Небольшое отверстие раны и застывшая в ней кровь скрывают сломленную берцовую кость.

– Рана сия не слишком тяжелая! – снова назидательно объявил мне главный врач России.

– Мне непонятно, почему вы считаете рану легкой, если вытащили из нее осколки кости?

Поджав губы, лейб-врач императора ничего мне не ответил, а повернул голову к Багратиону:

– Увы, больше мне здесь делать нечего, и я вынужден покинуть вас!

А после чего удалился, даже не глянув на меня. Если бы я тогда знал, что пройдет, не так уж много времени и у нас с Виллие будет еще одна встреча, когда он будет вести себя в отношении меня уже куда более тихо.

Затем я уже сам обработал рану генерала антисептиком из своей аптечки, и, отвергнув приготовленную Говоровым корпию, аккуратно замотал ногу гигиеническим бинтом.

– Теперь мне нужны две дощечки и тонкая веревка! – объявил я стоявшим поодаль адъютантам.

Когда и то, и другое было доставлено, я, как когда-то учили оказывать первую помощь при переломах.

Покончив с ногой, я велел найти несколько перин и постелить их в дорожной коляске, чтобы князя не растрясло в дороге.

После этого мы повезли Багратиона в Можайск. В дороге у раненого были жар, бессонница, «колючие боли в ране беспрестанно мучили» его.

– Надеетесь ли вы скоро поставить меня на ноги? – спрашивал он, то меня, то Говорова.

– Ничего определенного сказать не могу, так, как настоящее состояние раны до конца мне еще не совсем известно. – отвечал доктор.

– Ну, а что скажите вы? – поворачивал князь голову ко мне.

– Мне состояние раны известно и я уверен, что все у нас с вами будет распрекрасно, – приободрял я раненого, хотя в благоприятном исходе лечения, разумеется, уверен не был.

* * *

Уже по дороге на Можайск нас настигло известие, что потеряна батарея Раевского, а наша гвардейская кавалерия отчаянно контратакует противника. Картина между Бородином и Можайском была грустной. Скакала в несколько рядов по большой дороге на лошадях, покрытых пылью и пеной артиллерия. Следом за ней почти бежали пехотные колонны. Тысячи солдат с изнуренными и окровавленными лицами искали свои полки. Кавалеристы еле держались на седлах. Обозы и повозки с ранеными, теснясь, медленно двигались в сторону Москвы. Небо было серо, накрапывал противный редкий дождь.

– Это земля русская плачем по сынам своим! – не удержался я.

Поворотив голову в мою сторону, князь внимательно посмотрел, но ничего не сказал.

В Можайск мы приехали уже вечером почти в темноте. На площадях и улицах Можайска горели костры, подле них вповалку лежали раненые. Слышались крики боли, стоны, молитвы и сочный мат. Для князя отыскивали более-менее приличный дом. Это оказался трактир.

Испуганный хозяин, выскочив на крыльцо, заломил руки:

– У меня все почитай под горлышко забито.

– Ничего, потеснятся!

Когда Багратиона переносили из коляски, он не стонал. Это был уже хороший признак, так как в описании состояния Багратиона указывалось, что по приезде в Можайск ему стало хуже. Это значило, что я пока все делаю правильно.

Трактирщик не врал, повсюду на кухне, на бильярде, под бильярдом лежали раненые. Их хотели убраться, но Багратион не позволил.

В Можайске перевязку Говоров провел вместе с главным врачом Второй армии Гангарто. Последний, было, попытался отстранить меня от участия в перевязке, но я мягко попросил его этого не делать, одновременно, сжав локоть рукой так, что он тут же согласился.

Остался я не зря. Когда Гангарт опять полез бередить рану своим жутковатого вида зондом, я снова взял его под локоть.

– Ограничьтесь внешним осмотром раны, а лезть в нее не надо.

При этом одновременно еще раз ввел в рану антисептик.

Недовольные врачи ограничились внешним осмотром, констатировав, что рана «найдена еще воспаленной». Тем временем у Багратиона начался жар, сменившийся ознобом. Не надо было быть семи пядей во лбу, чтобы понять, это воспалительный процесс. Я снова колот антисептики и потчевал раненного антибиотиками. К моему великому огорчению, запасы в моей аптечки уже подошли к концу, но я надеялся, что, сделанное все же переломит ситуацию.

Будучи старшим по чину среди всех сопровождавших князя лиц, я распорядился никому к нему не пускать, кроме врачей. Вечером и утром следующего дня мы снова поменяли повязки. При этом пошел гной, а края раны припухли. Сделав обезболивающий укол и напоив Багратиона антибиотиками, я снова продезинфицировал рану.

Всю ночь князь пролежал, не сомкнув глаз. Я и Голицын сидели у его постели, с нетерпением ожидая утра. На заре в Можайск прибыл очередной огромный обоз с ранеными. За ним, как говорили, двигалась уже и вся наша армия. Это значило, что нам в Можайске делать уже нечего и надо, как можно скорее, ехать в Москву, а там и деле.

Не мешкая, мы поспешили из Можайска, сменив дорожную коляску на крытую карету, в которой князю было несравненно удобней. И все же езда в тряской карете, несмотря на добытые мягкие перины и зафиксированную в лубке ногу, была достаточно мучительна для раненого. Ехали мы из-за постоянных пробок на дороге медленно, и к Москве прибыли лишь на третий день после сражения.

* * *

В Москву мы въехали в Москву. Улицы были пусты. Ставни домов и ворота заколочены. Из города к заставе тянулись и фуры, и подводы с ранеными, частные экипажи. Кто ехал на возах, кто просто брел пешком, с котомками на плечах. Князь попросил отвезти его в дом его дяди князя Кирилла Александровича Грузинского на Большую Мещанскую. Не успели приехать, как туда примчался давний приятель Багратиона московский губернатор граф Ростопчин.

– Пусть войдет, – слабо кивнул князь, когда я сказал ему о прибытии губернатора.

Прежде всего, Багратион начал спрашивать Ростопчина о судьбе Москвы, а тот, жалея своего старого друга, отвечал уклончиво. Впрочем, обоим было все и так ясно.

После ухода Ростопчина около Багратиона был собран консилиум в составе виднейших московских врачей под руководством заведующего кафедрой хирургии Московского университета Гильтебрандта, хирурга, о мастерстве которого, впоследствии будет высоко отзываться сам Пирогов. Знаменитый лекарь был во фраке и в серых брюках, с немецкой фарфоровой трубкой в зубах. Адьютанту князя Олферьеву Гильтебрандт вначале безапелляционно заявил, что гангрена и смерть с таким ранением неизбежны, если не ампутировать ногу. Однако, осмотрев рану, профессор изменил свое мнение:

– Какая прелесть, эта рана просто превосходна! Я не вижу никаких следов заражения, да и опухоль весьма небольшая!

Наверное, так искренне радоваться виду человеческих ран умеют только врачи...

Затем профессор хотел, было, еще раз прозондировать рану, но я не дал, чтобы не доставлять князю напрасных мучений. Обидевшись на меня, Гильтебрандт отъехал.

Узнав об отъезде профессора, Багратион велел звать меня к себе.

– Моя рана не серьезна, а дело врачей с помощью порошков, снадобий и примочек поставить меня на ноги. Я не сомневаюсь в искусстве моих господ докторов, но мне желательно, чтобы вы все совокупно меня пользовали. Я желаю в теперешнем состоянии лучше положиться на трех искусных врачей, нежели на двух таких!

– Категорически с вами не согласен, ваше превосходительство, – возразил я. – Как в сражении должен быть один полководец, который отдает приказы и несет всю ответственность за происходящее и его последствия, так и в лечении должен быть один начальник.

Помолчав, князь Петр кивнул:

– Убедил!

У меня в запасе еще оставался некоторый запас демидрола и я щедро потчевал им Багратиона, потому он большую часть времени спал. Помимо меня, доктора давали князю лекарства вроде «эфирной настойки корня мауна с мелиссовою водою», ставили компрессы вокруг раны. Толку я от этого не видел, но и вреда тоже.

А через день пришло известие, что французы уже на подходе. Надо было покидать белокаменную.

– Напиши от моего имени записку графу Ростопчину! – велел мне Багратион и продиктовал. – Прощай, мой почтенный друг. Я больше не увижу тебя. Я умру не от раны моей, а от Москвы!

К сожалению, князь все еще не верил ни в меня, ни в себя.

В тот трагический день наша армия, сопровождаемая возмущенной толпой москвичей, уходила через Москву к Владимирской заставе, а авангард Мюрата вступал в покинутый город.

В 9 часов утра следующего дня мы выехали из Москвы по дороге на Троице-Сергиеву лавру, что находилась в семидесяти верстах от столицы.

Бывший с нами адъютант Андрей Голицын, известный всей армии своим легкомыслием, нынче был исполнен служебного рвения. Именно он и предложил везти князя к своим родителям в село Симы, под Владимир:

– Приют этот и недалек, и от опасности уединен, и спокоен, и в заботах недостатка не будет. К тому же в немногих верстах от Сим – село Андреевское, имение графа Михаила Семеновича Воронцова. По чрезвычайному богатству своему он, говорят, сейчас учредил там огромный лазарет с лучшими лекарями и всеми прочими лечебными способами. Сам Воронцов рану свою, говорят, так же нынче в Андреевском пользуется, и графа Сен-При к себе туда же увез.

– Батюшка ваш то, нынче дома? – спросил его Багратион.

– Какое! – махнул Голицын рукой. – Скачет по своим областям, как начальствующей полчением сразу трех губерний. А потому дома нынче только матушка.

На выезде из Москвы Багратион приказ остановить увиденного им на обочине штаб-офицера.

– Кто вместо меня в командовании моей армией?

– Генерал Милорадовч!

– А, Миша! Это хорошо, что именно его определили на мое место. Миша справится.

Багратион пока не знал, что за его спиной его уже уволили с поста главнокомандующего Второй армией, а через несколько дней будет ликвидирована и сама Вторая армия. Ни император, ни Кутузов, ни Милорадович не сообщат ему об этом.

Из Москвы мы направились в Троице-Сергиеву лавру, но Багратион непременно желал ехать дальше. Говоров предлагал ему отсрочить поездку. На это князь отвечал:

– То-то, что никак нельзя отсрочить! Я должен, если бы, то можно было, лететь. Минутное промедление отдаляет от меня спокойствие.

Багратион явно опасались попасть в плен. Лишь когда старший адъютант Брежинский распорядился послать казаков по окрестным дорогам, он успокоился. К этому времени нас догнал профессор Гильдебрант.

– Мне все равно, бежать надобно, – объявил он нам, усаживаясь со своим саквояжем в запасную коляску. – Так уж лучше я с вами поеду, все ж при генерале, спокойней.

* * *

Выехав из Москвы, мы повернули на село Симу, принадлежащее князю Голицыну, в котором Багратион предполагал отдохнуть несколько дней. В мое время биографы Багратиона будут писать, что раненный князь произвольно стремился домой, а Сима заменяла ему дом, которого у него не было. Здесь его радушно принимали раньше, сюда он уехал после увольнения из Молдавской армии в 1810 году, здесь он бывал и в 1811 году. Владелец имения князь Борис Андреевич Голицын, сам не отличавшийся особыми заслугами, личность вполне бесцветная, чем-то был приятен Багратиону... Жена Голицына, Анна Александровна, будучи урожденной грузинской княжной, приходилась четвероюродной сестрой Багратиону. Это в XXI века четвероюродные и не родственники вовсе, но в начале века XIX родственников считали аж до седьмого колена.

Содержимое моей полевой аптечки было уже в значительной мере исчерпано. Подходили к концу и анестезия, и антисептики. Оставалось еще пара шприц-тюбиков, но это было последнее «НЗ», которое следовало беречь на самый крайний случай. Впрочем, в запасе у меня имелось еще одно «секретное оружие», которым я и решил воспользоваться. Дело в том, что еще на втором курсе академии я неожиданно познакомился с весьма интересным для меня человеком – Эмилем Багировым, основателем нового лечебного метода – классической космоэнергетики, заключавшейся в умении человека использовать в оздоровительных целях силы Вселен-

ной. Познакомились случайно во время летней поездки в Крым, на поиски следов экспедиции легендарного и таинственного профессора Барченко. Какось, меня всегда тянуло к познанию нового и неведомого, и именно по этой причине я, в конце концов, оказался в офисе Багирова в переулке Огородная Слобода, что рядом с метро «Чистые пруды».

В принципе, как говорится, все новое – это хорошо забытое старое. Это не отрицал на лекциях и сам Багиров. Все началась, по его словам, с того, что к изучению основ древневедической лечебной практики приступили в 20-х годах XX века органы ОГПУ и НКВД, в том числе и небезызвестный мне эзотерик профессор Барченко. Делалось это, разумеется, вовсе не из любви чекистов к седой старине, а по вполне практическим соображениям. В Германии, с приходом к власти Гитлера, аналогичной проблемой активно занялась, созданная нацистами организация «Аннанербе», но ведическим изысканиям гитлеровцев положил конец 1945 год. В СССР же работа в этом направлении никогда не прекращалась. В послевоенное время адаптацией древних знаний к реалиям современности планомерно занималась штатная группа при отделе спецопераций управления КГБ по Узбекской ССР. Сотрудники группы изучали и анализировали древние духовные практики, как Запада, так и Востока, выбирая из них наиболее рациональные зерна и практическую составляющую, необходимую для нужд своего ведомства. В значительной мере эту работу упрощало то, что базовые методы ведической космоэнергетики уже тысячелетиями использовались во всех религиозных практиках, над ними лишь выстраивалась соответствующая идеологическая надстройка.

За десятилетия напряженной работы сотрудников НКВД-КГБ древняя лечебная практика была оптимизирована и максимально упрощена для восприятия даже среднестатистическим обывателем. Что касается самого Багирова, то, бывший инженер космической лаборатории Академии Наук Узбекской ССР на Памире, свои первые знания в области нового эффективного лечения людей получил в начале 90-х годов. Тогда, один из отставных сотрудников КГБ, освобожденный от присяги распавшейся державе и оказавшийся не у дел, начал неофициально преподавать азы космоэнергетических знаний нескольким увлеченным ташкентцам. По словам Багирова, старый чекист передавал ученикам далеко не все знания, а лишь те, с помощью которых можно было улучшать самочувствие людей, животных и растений, создавать обстановку доброжелательности и улучшать восприимчивость к получению информации. Но и этого оказалось достаточно. Уже первые космоэнергетические сеансы, проведенные Багировым, дали потрясающие результаты.

Новый метод оказался столь эффективным, что быстро стал очень популярным в Ташкенте, а после переезда Багирова в Москву, получил известность не только в России, но и во всем мире.

Признаюсь, что меня привело к Багирову, прежде всего, желание уметь поддерживать свой организм в экстремальных условиях, желание, не имея под руками никаких лекарств, оказывать первую медицинскую помощь раненым товарищам. Однокурсники по академии считали мое увлечение блажью, впрочем, лишь до того случая, когда я снял простым наложением руки на голову у одного из них сильнейшую головную боль. Тут уж подколки и шутки смолкли. Ну, а когда я каналом «Лугра», как бы между делом, поставил за пять минут на ноги заболевшую собаку еще одного своего однокашника, то был удостоен в нашей учебной группе почетного титула «главный целитель всея морской пехоты». Разумеется, что за три года учебы в академии я не мог в полную силу заниматься освоением нового лечебного метода. При большой учебной нагрузке, моей увлеченности военной историей, на все просто не хватало времени, но основные посвящения в главные лечебные каналы у Эмиля Багирова я все же получил. К сожалению, до последнего времени я так и не смог на практике проверить, насколько хорошо освоил новый лечебный метод.

Сейчас же, трясясь по ухабам подмосковной дороги, я понимал, что иного выхода, как попытаться использовать мои скромные знания классической космоэнергетики для спасения

князя Петра, у меня просто нет. Будет ли в этом толк, я, честно говоря, сомневался. Причем сомнения касались не эффективности самого метода, в который я целиком верил, а моей собственной квалификации и опыта. Ведь одно дело снять обычную головную боль и подлечить захворавшую собачонку, и совсем иное попытаться спасти жизнь тяжелораненому человеку. Удастся ли мне спасти жизнь национальному герою России, если я возьму на себя ответственность за его лечение методом космоэнергетики? Да и вообще, не слишком, ли много я на себя беру? С другой стороны, трагический исход ранения Багратиона был мне прекрасно известен, а потому, если я чем и рисковал, то исключительно собственной репутацией. Впрочем, какая вообще может быть репутация у человека, который всего лишь полдня назад перепрыгнул на два столетия в прошлое? К тому же принципиальное решение спасти раненного генерала, было принято многим раньше. Теперь надо было лишь обдумать, как и что мне делать и главное, с чего собственно начинать.

Как и учили на курсах космоэнергетики, я представил падающий с неба золотой луч, в котором находится и пациент, и я. Затем мысленно произнес необходимый пароль: «Будда, Будда, открываю канал Фарун-Будда для очищения, лечения и защиты. Будда, Фарун-Будда, Фарун-Будда, Фарун- Будда...» По спине сразу же пробежал легкий холодок – это значило, что космический канал открылся, и сейчас к лечению Багратиона приступили разумные космические силы. Через несколько минут князь, неожиданно зевнул и, склонив голову, заснул, причем впервые за последние дни без стонов.

– Слава богу, – глядя на спящего Багратиона, – перекрестился Говоров, – кажется, ему полегчало.

...За два дня мы добрались из Сергиева Посада через Александров в Симу. Тряска снова растревожила рану Багратиона. Но жара уже не было. Посланные вперед Брежинский известил хозяев поместья о прибытии раненного Багратиона. На подъезде к селу крестьяне, чтобы уменьшить тряску экипажа, устлали дорогу соломой, а за несколько верст до села усадили раненного на портшез и несли на руках. Вот показался на холме двухэтажный дом с мезонином с двумя флигелями, окруженный прекрасным парком – имение Бориса Голицына.

К этому времени мы ехали уж не в одинокой карете, а следовали во главе целого поезда. Присоединившиеся к нам генералы и адъютанты рассказывали, что ранение Багратиона произвело угнетающее впечатление на наших солдат. Они ещё упорно дрались, но уже стало сказываться утомление длительным боем. Французы же, наоборот, усилили натиск. У наших кое-где началось замешательство. Однако, ситуацию спас командир 3-й пехотной дивизии, генерал-лейтенант Коновницын, принявший на себя командование войсками вместо Багратиона. Вначале он восстановил порядок, затем отвёл войска метров на 600 от флешей на восточный берег Семёновского оврага. Здесь он быстро установил артиллерию, выстроил пехоту и кавалерию и окончательно остановил наступление французов.

К моменту приезда в село Симы с нами были генерал-майор Оленин (сослуживец Багратиона во время польского и итальянского походов), раненный командир 11-й пехотной дивизии генерал-майор Бахметьев, адъютанты – подполковник Семен Брежинский, ротмистр барон Бирвиц, штаб-ротмистр князь Меншиков. Помимо этого, с нами ехали служащие канцелярии Второй армии: экспедитор титулярный советник Саражинович, казначей коллежский регистратор Ченсирович, врачи Говоров, Гильдебрант и главный медик Второй армии надворный советник Гангарт, а кроме этого отставной майор Котов, подпоручик Чевский, камердинер Иосиф Гави, пять крепостных, двое наемных слуг, два повара, два унтер-офицера при обозе и двенадцать человек «разного рода служителей». Толку от всей этой братии было немного, зато шуму и гаму предостаточно.

* * *

Первыми, встречая нас, из господского дома выбежали лакеи. Потом горничные в темных платьях с белыми чепцами. И, наконец, показалась грузная горбоносая женщина – княгиня Анна Александровна. Увидела князя и разрыдалась. Багратиона внесли в большую и полутемную комнату – кабинет хозяина поместья.

Так как мои лекарства к этому времени закончились, врачи обрабатывали при перевязках подживающую рану пучками корпии, напитанную лекарствами, делали спринцевание раствором хины и других препаратов.

Так как кризис в лечении князя миновал, и он понемногу шел на поправку, я перестал вмешиваться в детали лечения, осуществляя лишь общий контроль. При встрече Говоров неизменно мне говорил:

– Жизнелюбие князя внушает ему охоту принимать лекарства.

Не привыкший к безделью, Багратион начал понемногу работать – писал «некоторые бумаги», приготовленные для отправки в Петербург. А несколько дней спустя и сам получил письмо из Ярославля от принца Георга Ольденбургского с горячим приветом от его супруги великой княгини Екатерины Павловны, с которой у Багратиона был некогда серьезный роман. Чтобы не терять спортивной формы, за помещичьим домом я соорудил перекладину между двух деревьев и каждое утро работал на ней. Мои спортивные экзерсисы неизменно вызывали жгучий интерес местной публики от офицеров до дворовых мальчишек. Особенно всем нравилось, когда я крутил «солнышко», оно неизменно сопровождалось аплодисментами. Дурной пример заразителен и скоро уже несколько молодых офицеров, а потом и солдат, стали моими учениками в гимнастических делах.

Бурное веселье вызвала у окружающих и моя тельняшка. Общим решением адъютантского конклава было решено, что я большой оригинал, коли не боюсь вырядаться в скomorошье исподнее. Но в данном случае на общественное мнение, мне было глубоко наплевать, ибо морпех, он всегда морпех, пусть даже и двести лет назад!

На расспросы о своей биографии, о нюансах своей прошлой службы на парусных кораблях я по большей части отмалчивался, но несколько раз все же смолол полнейшую чепуху, чем вызвал несказанное удивление присутствующих и некоторую подозрительность к своей особе.

Надо было принимать меры, и я пошел искать помощи и заступничества у наших докторов.

Профессор Гильдебрант, с которым мы за время нашей поездки если, не подружились, то, по крайней мере, стали приятелями, по моей просьбе, объяснил особо любопытствующим придуманную мной легенду:

– После контузии у флигель-адъютанта Колзакова наблюдается потеря части памяти, зато открылся явный дар пророчества.

– Неужели, такое может быть? – подивились генералы Бахметьев и Оленин – Сколь служим, но такого не видывали! Что память теряли, бывало, а вот чтобы дар волшебный открывался!

Однако мудрый врач одарил присутствующих весьма исчерпывающим афоризмом:

– Голова – предмет для науки темный, а потому и неисследуемый!

Эта формулировка, да еще данная московским светилом, меня более чем устраивала. Ссылаясь на нее, я теперь вполне мог (как бы это лучше сказать) «интегрироваться» в окружающую мне среду: мол, чего не знаю и кого не узнаю – это потеря памяти, а что знаю наперед – сие есть открывшийся свыше дар. памяти, зато открылся явный дар пророчества.

простите за контузию, но кто вы такой. ва смертей и сам

Как-то утром меня вызвали к только что прискакавшему из армии курьеру. Это был заросший бородой казак в шапке набекрень на длинношерстом донском маштаке.

– Кто таков? – спросил я.

– Хорунжий войска донского Степан Кочерга, – отвечал он. – Прислан из партизанского отряда подполковника Давыдова с грамотой. Очень Денис Васильевич в горе... О князе слезы льют.

Проинформировав Кочергу, что князю сейчас значительно лучше, чем ранее и дело идет на поправку, я тотчас рассказал о приехавшем «ходоке» князю. Тот, при упоминании имени Давыдова, сразу заулыбался:

– О. наш Давыдов известный проказник и сочинитель эпиграмм. Но я его люблю, за его честность и храбрость. Знакомствую же с ним с 1807 года, когда мне рекомендовал его Мария Антоновна Нарышкина, бывшая тогда в фаворе у императора. Отказать я ей не мог и взял Дениса к себе в адъютанты. Так, что можно сказать, вы с ним коллеги. В ответ на эту милость, он сразу сочинил эпиграмму про мой длинный нос, впрочем, весьма остроумную. Когда же он прибыл ко мне и представился смущенный, я напомнил об эпиграмме. Но хитрец выкрутился, заявивши, что писал о моем носе только из зависти, так как у самого вместо носа почти пуговица. Теперь, когда мне докладывают, что неприятель «на носу», я всегда говорю: «На чьем носу? Если на моем, то можно ещё отобедать, а если на Денисовом, то по коням!» При этом Багратион заливисто рассмеялся. Я смотрел на него и понимал, что в борьбе за его жизнь мы победили, и, сохранив жизнь одному из талантливейших российских полководцев, уже изменили ход истории. От этой мысли мне хотелось петь!

А лечение шло своим чередом. В углу хозяйского кабинета Говоров открывал белые порошки успокоительного – опиума. Тут же в тазу непрерывно варилась цикута для компрессов, благотворно действующих на рану.

Голицынский кабинет, в котором лежал князь Петр Иванович, выходил всеми четырьмя окнами в сад и уютным видом своим веселил душу. Дни стояли еще вполне сносные. Солнце хоть уже не грело, но светило достаточно ярко. Окружающие леса с каждым днем все больше одевались в красно желтую листву.

Багратион с каждым днем становился веселее и общительнее. Вокруг уже крутились подхалимы.

– Для того чтобы находиться повсюду с вашим превосходительством, надобно иметь две жизни! – нашептывали льстецы-адъютанты и падкому на лесть Багратиону.

Тот великодушно кивал своей кудлатой седой головой:

– Что да, то да, до войны я зол!

Каждый день, я выискивал предлог, чтобы пару раз побыть рядом с раненым. Говоря с князем о чем угодно, я, между тем, подключал каналы и работал по схеме космоэнергетического сеанса. Через пару дней Багратион уже сам позвал меня к себе:

– Я хоть всего лишь пехотный генерал, но все же сообразил, что ты тут со мной беседы ведешь не ради бесед, а что-то колдуешь, – хитро прищурившись, обратился он ко мне. – Ведь так?

– Так и есть! – не стал отпираться я. – Но это не колдовство, а древняя система врачевания.

– Уж не знаю, что это там за система, но после твоих посещений я чувствую себя значительно лучше, так, что ты больше не секретничай, а делай все так, как считаешь нужным.

– Было бы желательно, чтобы во время моих сеансов вы лежали с закрытыми глазами и молчали.

– Ну, хоть думать о чем-то можно?

– Можно, но при этом старайтесь, ни на чем конкретном не сосредотачиваться. Пусть мысли пролетают мимо и летят дальше. Отпускайте их без всякого сожаления и ждите новых...

– Что ж, тогда не будем откладывать! – генерал откинулся на подушки и закрыл глаза. – Мне надо как можно скорее вернуться в строй! Ради этого можно и мысли мимо пропустить.

Я представил падающий золотой луч, произнес нужный пароль для открытия лечебного канала, и мы продолжили лечение.

– Я поражен, ваше превосходительство! – покачал головой во время очередного посещения профессор Гильдебрант, оглядевши рану в свой допотопный одинарный лорнет. – Я еще никогда не видел, чтобы столь тяжелые раны затягивались столь быстро. Могу теперь сказать вам, положа руку на сердце, что отныне никакой опасности вашей жизни больше нет, как нет и опасности вашей ноге. Теперь остается лишь ждать, когда срастется нога, тогда можно снова на войну!

– А сколько ждать, когда срастется нога? – сразу же наострился Багратион.

– Ежели все пойдет так же, как и с вашей раной, думаю, ждать придется недолго. – уклончиво ответил доктор.

Едва Гильдебрант покинул князя, как тот велел мне сесть на стул около его кровати.

– Давай, Колзаков, проводи со мной свои сеансы не по два, а по три, а еще лучше, по четыре раза в день, чтобы нога быстрее поправилась!

– Давайте по три, а то четыре, это уже перебор.

– Ну давай хоть по три!

С этого дня мой пациент уже во всем беспрекословно слушался меня, к определенному неудовольствию окружающих нас докторов.

Скоро Багратион, которому становилось с каждым днем все лучше, уже просил давать ему шампанское. При этом он был горд собой и говорил мне, после каждой перевязки:

– Вот я и очередную операцию вашу вытерпел! Ну, а теперь давай снова колдуй над моей ногой. А я после войны, я возьму тебя, Колзаков с собой на Кавказские воды. Попьешь со мной целебной водицы.

Адъютанты завистливо поглядывали на меня. Такое приглашение было, видимо, пределом их мечтаний.

В один из дней Багратион написал письмо лечившемуся в недалеком селе Андреевка графу Воронцову письмо. Я напросился его отвезти. Несмотря на то, что имелась возможность поехать в коляске, я отправился на коне, чтобышний раз попрактиковаться в верховой езде.

До Андреевки добрался без приключений. Село напоминало разворошенный муравейник, всюду сновали раненные солдаты и офицеры. Это, впрочем, я и ожидал увидеть, ведь согласно истории войны 1812 года граф Воронцов, сам, будучи раненным, приказал сопровождавшим его лицам подбирать всех встреченных на дороге раненных и свозить их к себе в Андреевку. Таковых набралось более трех сотен солдат и за полусотню офицеров. Все они лечились и столовались, а затем были и обмундировывались за счет Воронцова. При этом сам граф впоследствии очень не любил, когда, кто-то благодарил его за эту доброту, вспоминая проявленное бескорыстие.

Тяжело раненный мушкетной пулей в бедро, граф передвигался на костылях, тем не менее, встретил меня на крыльце своего дома. Одетый в новый «с иголочки» мундир, он был безукоризненно выбрит и надушен. Открытый взгляд широко раскрытых голубых глаз и мягкая улыбка молодого генерала располагала к себе.

– А, Колзаков! – приветствовал он меня. – Рад, что вы уцелели в бородинской мясорубке!

– Князь волнуется, как ваша рана?

– Сами видите, что уже прыгаю на костылях. Когда меня немощного закинули в стоявшую неподалеку телегу, чтобы перевязать, очередное ядро отшибло у ней колесо, и телега рассыпалась в мелкие обломки. После сего я уже потребовал, чтобы перевязывали прямо на земле, – с легкой иронией рассказал мне граф. – Впрочем, бог милостив и все обошлось.

Прочитав письмо Багратиона, остался им доволен.

– Князь пишет, что дело его идет на поправку. Отдельно хвалит и вас за вашу преданность и сострадание. Через час обед и я приглашаю вас разделить трапезу со мной и моими гостями. Пока же можете отдохнуть, а мне, увы, пора на перевязку.

Пройдя в общую комнату, я увидел в ней генерала и несколько офицеров. Представился им. Они мне. Генералом оказался шеф Екатеринославских кирасир Николай Васильевич Кретов, офицерами: командир Орденского кирасирского полка граф Гудович, командир Нарвского пехотного подполковник Богдановский и лейб-гвардии Егерского полка полковник Делагард. Все раненные и перевязанные, но жизнерадостные и даже веселые.

– Садитесь, Колзаков, – пригласили меня собравшиеся, – Расскажите о князе Петре и вообще, о том, что знаете. А то мы здесь сидим как бирюки.

Я не стал себя упрашивать и в общих чертах рассказал о лечении Багратиона и о наших с ним злоключениях. Затем настал черед «воронцовский квартирантов» рассказать о здешних делах.

Первым делом мне было рассказано о благородстве Воронцова. Дело в том, что когда раненного графа привезли домой в Москву, все свободные строения были заполнены ранеными, часто лишенными какой бы то ни было помощи. На подводы же из воронцовской усадьбы грузили для отвоза в дальние деревни барское добро: картины, бронзу, ящики с фарфором и книгами, мебель. Воронцов приказал вернуть все в дом, а обоз использовать исключительно для перевозки раненых в Андреевское. Об этом я когда-то уже читал, но все равно выслушал рассказ с неподдельным интересом. Одно дело, когда читаешь что-то в исторических трудах и совсем иное услышать ту же историю из уст непосредственных участников событий.

Потом поговорили о Бородине, о больших потерях, ну и, конечно же, об оставлении Москвы. Генерал и офицеры курили, поданные сигары.

Рассказали мне и о том, что Воронцов уже который день посылает в Москву своих передетых адъютантов, а также дворовых людей из числа самых смелых и сообразительных, для разведки всего происходящего в белокаменной. Их сведения он сразу же пересылает в виде писем в Петербург императору.

– Так у вас тут прямо шпионское гнездо! – пошутил я.

– Гнездо не гнездо, но информацию о неприятеле имеем самую свежую! – пыхнул дымными кольцами генерал-майор Кретов.

На обеде блюда были самые обыкновенные, но сытные и необыкновенно вкусные. Воронцовские повара знали свое дело отменно. Подавалось все на фамильном фарфоре с графскими вензелями. Воронцов вел себя как радушный хозяин, достаточно демократично, но, в то же время, внешне несколько отстраненно, в общем, как истинный потомственный аристократ. На обеде присутствовал раненный и тяжело контуженный начальник штаба Второй армии граф Сен-При. Граф еще очень плохо слышал, а потому, обращаясь к собеседнику, почти кричал.

Сознаюсь, мне чрезвычайно интересен был полковник Август Осипович Делагард – французский эмигрант и бывший мальтийский рыцарь, сражающийся против своих соотечественников за Россию. Делагард был раненный пулей навывлет в левый бок, но не утратил жизнерадостности и веселости. Не знаю, как у кого, но у меня в жизни не раз бывало, что при первой встрече с, казалось бы незнакомым человеком, сразу возникала взаимная симпатия. Именно так случилось и с Августом Делагардом. Пройдет немало времени, и мы оба еще не раз будем вспоминать эту случайную встречу в забытом богом селе Владимирской губернии.

– Оставайтесь до завтра. Хоть у нас и тесновато, но место для вас найдем – приглашали меня командир Нарвского полка Богдановский и Делагард. – У нас после обеда по традиции будут разговоры и чтение газет, а после музицирование и бильярд.

– Увы, – развел я руками, – но князь Багратион ждет меня обратно с новостями.

Признав таковую причину моего желания убыть весьма существенной, раненные офицеры, не без сожаления, проводили меня до коляски.

По возвращении в Симы, Багратион самым подробным образом расспрашивал меня о пребывании в Алексеевке, несколько раз перечитывал и письмо Воронцова. А на следующий день фельдъегерь привез князю послание из Петербурга, то был рескрипт императора, в котором значилось: "Князь Петр Иванович! С удовольствием внимая о подвигах и усердной службе вашей, весьма опечален я был полученною вами ранюю, отвлекшею вас на время с поля брани, где присутствие ваше при нынешних военных обстоятельствах столь нужно и полезно. Желая и надеюсь, что бог подаст вам скорое облегчение для украшения деяний ваших новою честью и славою. Между тем не в награду заслуг ваших, которая в непродолжительном времени вам доставится, но в некоторое пособие состоянию вашему жалую вам единовременно пятьдесят тысяч рублей. Пребываю вам благосклонный Александр".

– Передайте государю мой низжайший поклон и солдатское спасибо, да передайте мое письмо, а так же ходатайство о награждении отличившихся в Бородинском сражении, ибо беспримерный сей подвиг, ознаменованный ранами весьма многих моих сподвижников, заслуживает, по всей справедливости, самых высоких наград.

После ухода фельдъегеря решил поговорить с князем и я.

– Ваше превосходительство, я просил бы вас об одолжении.

– Ну, говори, что там у тебя? – повернул ко мне голову, лежавший на подушках Багратион.

– Я просил бы вас отпустить меня в действующую армию. Все, что было возможно для вашего лечения, я уже сделал и дальнейшее нахождение в Симе уже ничего не изменит. Ну, а быть в качестве сиделки для боевого офицера во время войны, это не дело.

– Значит, ты быть более при мне не желаешь! – приподнялся на локтях Багратион и брови его поползли вниз, что свидетельствовало о раздражении.

– Я, ваше превосходительство, хотел бы спросить вас, а как бы поступили вы, если бы враг захватил Москву, а вы сидели бы в глубоком тылу, ни черта не делали?

Возникла долгая пауза, после чего Багратион сказал, как отрезал:

– Я послал бы убогого генерала ко всем чертям, и помчался спасать Отечество.

Затем добавил:

– Твое решение, Колзаков, правильное. Что ж, я был искренне рад общаться с тобой, Колзаков. Спасибо тебе и за то, что ты взял мое лечение в свои руки и вытащил меня с того света. Этого я тебе никогда не забуду. Надеюсь, что мы с тобой еще повоюем вместе. Кутузову я напишу от себя рекомендательное письмо, чтобы он смог использовать твой ясновидческий дар на благо России.

– Спасибо, ваше превосходительство, обещаю сделать все, что от меня зависит.

Багратион немного помолчал, смотря пристально мне в глаза, затем сказал напоследок:

– И запомни Колзаков, что я умею не только ненавидеть, но и дружить. Твою заботу я никогда не забуду и надеюсь, что смогу отплатить за твое участие в моей судьбе сторицей.

– Со своей стороны могу вас заверить, что в моем лице вы так же нашли верного и преданного боевого товарища.

В тот же день я покинул Симу, поспешив в Тарутино в штаб Кутузова.

Глава третья

В Тарутино я прибыл уже ближе к вечеру. Несмотря на то, что я сослался на личное письмо князя Багратиона, меня к фельдмаршалу сразу не пустили, сказав, что он отдыхает. Однако на постой в одну из штабных офицерских палаток определили.

Адъютанты пригласили меня и на ужин. Я немного рассказал о том, как поправляется князь Петр, они о последних новостях «большой политики». И хотя о многом я знал намного лучше их, все равно изображал удивление. Что поделать, людям приятно, а с меня не убудет.

После ужина я не отказал себе в удовольствии прогуляться по нашему лагерю. Тарутинский лагерь оказался похожим на большое и шумное поселение. Ровными рядами, почти улицами, были поставлены шалаши, под которыми вырыты землянки. Генералы и старшие офицеры стояли в сельских избах, но изб было все же немного, большинство из них, разобрали на топливо. На речке стояли бани, по лагерю бродили зычно кричавшие калужские сбитенщики, а на большой дороге шумел самый настоящий базар, где толпились тысячи солдат, торговавших сапоги и другие вещи. Тут же торговали сахаром, чаем, табаком, окороками, ромом и винами, свежим хлебом, маслом и яйцами, свеклой и капустой. Огромный военный табор никогда не спал, ни днем, ни ночью. По вечерам во всех концах слышалась музыка и голоса песенников, которые умолкали лишь с пробитием зори. Ночью Тарутино светилось множеством бивуачных огней, казавшимися издали звездами, бездонном космосе. После долгого и безрадостного отступления и кровопролитного Бородинского сражения русская армия отдыхала, приводилась в порядок и собиралась с силами для будущих боев. Кутузов не настаивал на строгом соблюдении формальностей службы, предоставив войскам возможность восстановить силы после Бородинского кровопролития. Начальство смотрело на все это снисходительно. Оно заботилось больше о том, чтобы все были довольны и веселы. Офицеры и солдаты ходили по лагерю, отыскивая знакомых. Всяк выбирал по своему вкусу общество, и время проходило весело. Каждый день к Тарутино и селу Леташевка, где собственно находилась главная квартира фельдмаршала, стекались все новые и новые резервы.

Взятие Москвы привело нашу армию полное недоумение. Солдаты были испуганы и откровенно говорили офицерам:

– Лучше уж бы всем лечь мертвыми, чем отдавать Москву-матушку! Смотрите, как завиваются облака над Москвой! Плохо дело, Москва горит!

От всего этого даже мне, знавшему, что все, в конце концов, закончится благополучно, становилось не по себе.

Штабные же офицеры, тяжело вздыхавшие по поводу оставления Москвы, получили гневный и полный язвительного сарказма выговор от Кутузова (об этом мне рассказали все те же адъютанты), который счел это бестактной выходкой, сказав им:

– Вы, верно, думаете, что я без вас не знаю, что положение мое именно то, которому не позавидует и прапорщик? У меня более всех причин вздыхать и плакать, но ты не смог придумать ничего хуже, как грустить.

* * *

Утром Кутузов меня опять не принял. Он, то еще спал, то уже завтракал, то писал какие-то бумаги, а то с кем-то совещался. Наконец, ближе к вечеру меня, наконец-то, вызвали в его избу. Старый полководец сидел в кресле за большим столом, заваленном бумагами и картами. Мундир его был расстегнут, и из-под него выглядывала нательная рубаха. Вместе с ним в горнице находилось еще пару генералов, сидевших в конце стола и что-то писавших.

– Вы от князя Петра? – спросил, снисходительно Кутузов. – Как его здоровье? А то у нас вести, что рана весьма тяжела и положение его опасно.

– Спасибо, ваше высокопревосходительство! Дело уже идет на поправку, и я надеюсь, что скоро их сиятельство, будет вместе с нами! – сказал я, протягивая Кутузову письмо.

– Это было бы весьма кстати! – качнул он головой, еще раз внимательно посмотрел на меня и, надорвав конверт, углубился в чтение.

Вначале фельдмаршал бегло посмотрел послание Багратиона. Но затем, нахмутив брови, принялся читать все куда внимательнее. Потом, оторвав взор, посмотрел на меня уже каким-то тревожно-изучающим взглядом и снова углубился в чтение. Бывшие в горнице генералы, вначале о чем-то перешептывавшиеся между собой, уловили озабоченность главнокомандующего примолкли и теперь молча взирали на меня.

Наконец, Кутузов окончил чтение. Сложив в несколько раз бумажный лист, он поднес его к свече. Пламя побежало по листку, быстро превращая его в черно-пепельную субстанцию. Генералы насторожились еще больше.

– Я вас, кажется, припоминаю, – после некоторой паузы произнес Кутузов. – Вы прибывали ко мне в день Бородина с просьбой князя о резервах! Как вас, кстати, зовут?

– Флигель-адъютант Колзаков, капитан-лейтенант гвардейского флотского экипажа. До последнего времени исполнял обязанность дежурного адъютанта при штабе Второй армии.

– Оставьте нас с флигель-адъютантом наедине! – повернулся Кутузов к генералам.

Дождавшись, когда те выйдут и дверь прикроется, нахмурил брови:

– Ты знаком с содержанием письма?

– Нет, ваше высокопревосходительство! Мне оно было передано уже запечатанным.

Немного помолчав, Кутузов покачал головой:

– Странно, странно, странно... Князь Петр сообщает, что своему чудесному выздоровлению он обязан исключительно тебе и твоему чудодейственному лекарству, которым ты его пользовал. Кроме этого он конфиденциально написал мне, что ты обладаешь и удивительным даром предсказания политических и военных событий, а также весьма оригинальными военными знаниями. Князь настоятельно рекомендует мне иметь тебя подле себя и прислушиваться к твоим советам. Ты действительно ясновидец?

– Не совсем, ваше высокопревосходительство!

– Ну-ка, присаживайся! – кивнул Кутузов на стоявший против его стола стул.

– Рассказывай поподробней, и чтобы без утайки!

– Боюсь, ваше высокопревосходительство, что мой рассказ покажется вам бредом сумасшедшего.

– Что ж, давайте я лучше вначале послушаю, а уж выводы сделаю как-нибудь сам.

Итак, как оказалось, Багратион написал в письме гораздо больше, чем я его об этом просил. Не утерпел. Впрочем, ничего плохого для меня в том не случилось. Князь рекомендует меня в советчики фельдмаршалу, как «провидца». Это значит, что если все выгорит, то я действительно смогу оказывать определенное влияние на ход войны, а значит и на ход всей истории в пользу России. От такой перспективы мне даже стало трудно дышать. Теперь вопрос – что говорить Кутузову? Открыться ему или нет? Хитрить в данном случае опасно, слишком велики ставки. Лучше все как есть. Но если выложить всю правду-матку, то он может подумать, что я сумасшедший или хуже того аферист или лазутчик. Но ведь за мной рекомендация Багратиона! К тому же, кому еще как не хитроумному Кутузову я могу доверить свою тайну? Ведь известно, как умеет хранить секреты старый фельдмаршал. Эх, была, не была!

– Ну, братец, когда и где ты родился? – подтолкнул меня к рассказу фельдмаршал. – А то, что-то призадумался, а это в твои годы излишне.

– Родился я в марте 1980 года в Ленинграде, извините, в Петербурге!

Я поднял глаза на старого фельдмаршала. Тот смотрел на меня широко открытыми глазами. Губы его дрожали:

– Когда?

– В 1980 году. – сказал я, сглотнув слюну.

– Значит, говоришь Ленинград. Интересно, интересно. – пальцы фельдмаршала выбивали барабанную дробь по столешнице.

Было видно, что старик борется с сильным волнением, наконец, он взял себя в руки и снова возвысил голос. – Ты меня, что тут дураком считаешь, чтобы на всякую ерунду отнимать время!

Рука его потянулась к колокольцу, впрочем, не слишком быстро.

– Но ведь вы читали письмо князя Багратиона! – почти выкрикнул я ему в лицо. – Ему-то вы верите! К тому же и я вас предупреждал!

– Ладно, ладно! – немного успокоился фельдмаршал, колоколец его, похоже, уже не интересовал. – Если ты все знаешь, то скажи мне, какое решение я принял сегодня утром?

Сопоставив число и месяц, я немного порылся в памяти:

– Если я не ошибаюсь, ваше сиятельство, то сегодня вы получили письмо государя императора с сожалением об оставлении Москвы. Доставил же письмо генерал-адъютант Волконский.

– Ну, это ерунда! Могли и адъютанты разболтать! – махнул рукой Кутузов. – Что еще?

– А еще третьего дня вы отдали секретный приказ соединить две западные армии в одну. Командующим этой армией вы назначили Баркляя де Толли, а резервом, состоявшим из 3-го и 5-го корпусов и двух кавалерийских дивизий – генерала Милорадовича.

Лицо Кутузова напряглось, глаза превратились в две узкие щелки, которые, казалось, меня буравили.

– Однако Барклай подал рапорт об увольнении его из армии ввиду болезни, – продолжал я вываливать главнокомандующему багаж своих исторических знаний. – А потому, сегодня утром, вы удовлетворили его просьбу, и Барклай вот-вот уедет. Впрочем, об этом еще никто не догадывается. Командование же Западной армией вы, Михаил Илларионович, решили возложить на себя, но бумагу о своем решении отложили написать на завтрашнее утро.

– Да уж! – только и сказал фельдмаршал.

– Но самое удивительно ждет вас завтра после полудня!

– Что же именно? – насторожился фельдмаршал.

– Завтра Наполеон пришлет парламентаря просить мира, причем это будет недавний посол в России генерал Лористон.

Кутузов сидел, смотря на меня, а я так же молча сидел напротив и смотрел на него. Наконец, старец встрепенулся:

– Ну, завтра проверим твое ясновидение, а сейчас рассказывай уж мне свою будущую жизнь!

И я начал рассказывать о себе, о своей службе, о Чечне, о праздновании 200й годовщины Бородине, о том, как оказался в эпицентре сражения. Кутузов меня не перебивал. Периодически я поглядывал на фельдмаршала, оценивая, насколько он верит моим фантастическим бредням. Но лицо старика было непроницаемым и серьезным. Что-что, а владеть собой старый полководец, видимо, умел здорово. Несколько раз в приоткрывавшуюся дверь и в горницу с озабоченным видом заглядывали штабные генералы и адъютанты, но всякий раз Кутузов изгонял их не нетерпеливым жестом. За оконцем уже стало темнеть, когда фельдмаршал, наконец, меня прервал:

– На сегодня, думаю, достаточно! Теперь о твоей личной судьбе. Назначаю тебя своим адъютантом... нет, лучше офицером для особых поручений. В должность выступишь с завтрашнего утра. Предполагаю, что средств для жизни у тебя тоже нет, посему утром получишь

оклад на три месяца вперед, так же подъемные и провизионные суммы. Я об этом тоже распоряжусь. Да и главное – о нашем разговоре никому ни полслова. Ступай!

Закрыв за собой дверь и очутившись в сенях, я сразу же обнаружил себя в окружении разгневанного штаба.

– Что вы себе позволяете, сударь! – первым возвысил на меня голос генерал Беннигсен – Фельдмаршал стар и порой забывает о времени, но вы же носите флигель-адъютантский аксельбант, следовательно, должны понимать, что сейчас война и нельзя забирать у главнокомандующего несколько часов на всякую ерунду!

– Извините, ваше превосходительство, но мы решали вопросы государственной важности! – вскинул я голову.

– Какой еще там государственной важности? Вы только что прибыли от постели раненого Багратиона. Какая там важность – график приема пилюлей? – сыронизировал под смех собравшихся злоречивый Ермолов.

– Не только государственной важности, но и государственной секретности! – щелкнул я каблуками – Так что честь имею!

– Вот еще один «момент» у нас появился. Как в полк Ванькой-ротным, так извините, как в штаб бумагоношей, так, когда изволите! – услышал я, уходя, уже себе в спину, чью-то не слишком умную остроту.

«Моментами» в армии всегда именовали паркетных шаркунов, ловящих чины и ордена подле большого начальства. Ну, ладно, посмотрим, кто из нас настоящий «момент». Однако настроение мне остроумцы все же подпортили.

– Добрый вечер, господин моряк! – неожиданно подошел ко мне и пожал руку, вошедший с улицы генерал Неверовский. – Помню, помню вас, как храбро держались при Бородине! Как нынче здоровье князя Петра? Когда мы увидим его в своих рядах?

– Кризис миновал, и Петр Иванович идет на поправку. Думаю, что через несколько месяцев он снова поведет нас в бой.

В соседней избе меня напоили горячим сладким чаем и предоставили походную раскладную койку с ворохом свежего сена.

Назавтра я снова был вызван к Кутузову. С первых минут беседы стало понятно, что наши отношения с главнокомандующим стали куда более доверительными. Фельдмаршал теперь именовал меня не иначе как «голубчик». Впрочем, выглядел Кутузов озабоченным. Не скрывая от меня своей желчи, он говорил, что почти весь генералитет склоняет его к немедленному наступлению. Об этом говорили Коновницын и Ермолов, Багвут и Платов, и даже преданный фельдмаршалу полковник Карл Толь. Но, конечно, больше всего старался интриган Беннигсен, которого все время подбивал на провокации британский уполномоченный полковник Вильсон, которому не терпелось разделаться с ненавистным Наполеоном чужой кровью. Вместе с Ростопчиным он строчил пасквильные письма императору Александру, обвиняя фельдмаршала в нерешительности и медлительности, да и вообще во всех смертных грехах.

Кутузов обо всем этом был прекрасно осведомлен и, когда к нему через полчаса зашел Беннигсен, фельдмаршал не удержался, чтобы не съязвить даже при мне:

– Мы с вами никогда не сговоримся, барон: вы все печетесь о пользе Англии, а по мне, пойдет она нынче на дно морское, так я и не заплачу!

Тот, вспыхнув, высочил прочь, громко хлопнув дверью.

Кутузов только покачал седой головой, потом обратился ко мне:

– Меня даже не столько раздражает этот самонадеянный ганноверец, как приставленный соглядатай Вильсон, чьим нашептыванием Беннигсен внимает. Вильсона интересует лишь одно – разгром Наполеона во имя разрушения континентальной блокады Англии. Вильсону не терпится поскорей поймать Наполеона и уничтожить его империю. Ни судьба России, ни русская кровь его совершенно не волнуют. Говорят, что в одном из частных разговоров он

упрекал меня в мягкотелости за то, что я, по его словам, жалею русских солдат. Говорит, чего, мол, жалеть-то, в России баб много – они всегда новых нарожают. Вот ведь, какой союзничек! Помимо всего прочего, Вильсон этот и царю на меня все время доносы строчит и с советами своими бредовыми лезет, да генералов наших, которые и так не слишком дружат, промеж себя стравливает. Короче, сволочь отпетая.

– А избавиться от этого Вильсона никак нельзя?

– Да как от него, от рыжего, избавишься! Он ведь царем для присмотра за мной посажен, так сказать для объективного контроля. Ладно, пускай свои доносы строчит, мне они как горох об стенку. Вот изгоню Наполеона из России, тогда мне никакой Вильсон с его письмами подметными не страшен. Негодование Кутузова я вполне разделял, так как о неблагоприятной роли этого английского представителя читал в свое время немало. Пользуясь доверием императора Александра Первого, Вильсон получил разрешение писать ему лично обо всём, что найдет важным и интересным. Этим он собственно все время и занимался. При этом к конкуренту Кутузова генералу Беннигсену англичанин пытал самые добрые чувства, а фельдмаршала откровенно не переносил. Тот, впрочем, платил, английскому полковнику той же монетой. Что касается Беннигсена, то его дружба с Вильсоном началась еще со времен Фридланда и Прейсиш-Эйлау, когда англичанин в первый раз прибыл «смотрящим» в нашу армию и состоял при штабе генерала. Поэтому у долговязого, помимо всего прочего, была и еще одна сокровенная мечта – свалить Кутузова и на его место посадить обожаемого им Беннигсена, который бы слушал его советы и действовал в интересах Лондона. Впрочем, в отношении интриг Вильсона я сейчас особо не напрягался, так как прекрасно знал, что ничего из его бредовой затеи не получится. Меня сейчас больше беспокоила собственная перспектива. Ведь когда я приступлю к осуществлению своих идей, от пронырливого англичанина можно будет ждать серьезных неприятностей.

* * *

Выйдя от Кутузова, я подумал, что возможно, фельдмаршал все же излишне предвзят к англичанину, который выполняет именно то, для чего в ставку русского главнокомандующего он и был послан. Впрочем, а кому, когда вообще нравились контролеры, ревизоры, аудиторы и прочие проверяльщики?

Не успел я закончить свои раздумья по сему предмету, как, навстречу мне появился... полковник Роберт Вильсон собственной персоной: худой и нескладный с лошадиным лицом, свисающим над губой длинным носом и жидкими прилизанными рыжеватыми волосами.

О сем господине я в свое время достаточно читал, кое-что знал и о его пасквилях, причем, не только о тех, которые он уже написал к сегодняшнему дню, и те, которые он еще напишет в будущем. Это давало мне хорошую фору в моих с ним возможных отношениях. Поравнявшись со мной, Вильсон улыбнулся так, как это могут делать только англичане – чуть приподняв уголки губ и не меняя при этом отчужденного выражения лица. Рыбы, бесцветные глаза англичанина смотрели сквозь меня, куда-то вдаль, как будто я был насквозь прозрачным.

И в этот момент мне подумалось о том, что в затеваемой мной игре Вильсон объективно является сейчас главным противником, а поэтому хорошо бы иметь его хотя бы на первое время в знакомцах, ибо, чем ближе к нам противник, тем лучше будет за ним присмотр. Разумеется, разница в нашем положении в настоящее время достаточно существенная. Он – полковник с боевым стажем и полномочный представитель английского короля, а также доверенное лицо нашего императора. Но и я все же имею в своем активе флигель-адъютантство, то есть силу своих золотых аксельбантов так же являюсь «глазами и ушами» императора при ставке, ну, а кроме того у меня еще и неофициальный статус – любимчик главнокомандующего. Не факт, что Вильсон пойдет со мной на контакт, но, как говорится, попытка не пытка. Напрягая

память, чтобы, использовать по максимуму мой весьма примитивный английский, я лихо приложил два пальца к своей треуголке:

– Рад приветствовать представителя союзной Англии!

– Здравствуйте, господин флигель-адъютант, – снисходительно опустил свой лошадиный подбородок англичанин.

Он хотел было продолжить свой путь мимо меня, но не успел:

– Давно мечтал познакомиться с вами поближе, а то, сами понимаете, все суета да суета каждый день, некогда даже дух перевести, – заступил я ему достаточно бесцеремонно дорогу.

Вильсон с удивлением воззрился на меня. Теперь надо было не терять времени, а постараться заинтересовать его своей особой. Для этого, как известно, существует испытанный психологический прием – начать разговор на тему наиболее близкую и интересную для собеседника. Что же любит этот долговязый англичанин? В какое-то мгновение в памяти всплыли факты его биографии с начала службы Вильсона в драгунах до его кончины в должности губернатора Гибралтара. Вся жизнь этого господина была весьма любопытна, но сейчас меня интересовали, так сказать, «реперные точки» его биографии исключительно до 1812 года. Так, вспомнил! Ведь Вильсон, помимо всего прочего, претендовал на лавры военного писателя. Книги его я, разумеется, не читал, но не раз встречал ссылки на них в научных трактатах, а потому в общих чертах имел о них представление. Итак, начинаем операцию «Долговязый англичанин». Поехали!

– Господин полковник, дело в том, что в свое время моей настольной книгой было ваше потрясающее по правдивости и глубокое по осмыслению «Описание английской экспедиции в Египте в 1799 году». Признаюсь честно, что ни до, ни после, мне не приходилось читать столь талантливо написанной книге о войне! – беспардонно врал я, честно при этом глядя англичанину в глаза.

«Черт возьми, похоже, я несколько перегнул палку в своих неуместных восторгах в отношении его, в общем-то, самой заурядной и порядком тенденциозной брошюры. Сейчас он меня раскусит и, высмеяв, уйдет!» Но к моему удивлению, Вильсон окончательно остановился. Взгляд его, обращенный на меня, мгновенно изменился. Теперь британец со вниманием изучал мою особу, при этом глаза его излучали тепло, настолько, насколько вообще могут излучать теплоту глаза английского джентльмена.

– Вы действительно читали мою книгу? – спросил он с таким выражением лица, словно его посредственная книжка была предназначена исключительно для небожителей.

– Ваша книга потрясла меня, – развел я в стороны руками, чтобы наглядно продемонстрировать, как именно меня эта книга потрясла. – Признаюсь вам, господин Вильсон, у меня даже была мысль написать вам письмо, разрешить мне перевести ее для наших офицеров на русский язык. Однако плохое знание английского и служебные дела не дали возможности осуществить это желание!

«Ну-ка посмотрим, схватишь ли ты и эту наживку! Как отреагируешь на неожиданное появление своего поклонника, который имеет неформальный доступ к фельдмаршалу, ведь если его правильно направить, он может стать идеальным потенциальным информатором».

Я смотрел на Вильсона и буквально чувствовал, как в его голове сейчас происходит обработка полученной информации и выработка линии поведения со мной. Прошло несколько секунд, а англичанин все еще, как замороженный, молча смотрел на меня. При этом лицо его все еще ничего не выражало. Что-то уж больно медленно функционируют его мозговые клетки. Наконец, по лицу Вильсона расплылась деланно добродушная улыбка. Рыбы глаза начали излучать радость.

«Ну, слава богу, кажется, он до чего-то додумался».

– Вы, дорогой друг, слишком строги к себе, и ваш английский кажется мне не таким уж плохим.

«Что ж, для начала неплохо – и меня похвалил, но и себя при этом не забыл, видать, тот еще сноб».

– Спасибо за столь высокую оценку моих скромных познаний. – скромно потупился я.

– Вы совершенно правильно подметили практическую направленность моей книги о Египетской компании. Как и вы, я уверен, что издание ее в России значительно расширило бы военный кругозор русских офицеров.

«Ну, да, только мы все тут и делаем, что мечтаем читать твой «научпоп»!»

– Кстати, – прищурил свои рыбьи глаза Вильсон, – А что в моей книге вам понравилось больше всего?

«Ага, а ты парень не так-то прост, как мне казалось еще полминуты назад. Вопрос явно неслучайный – это проверка на вшивость, читал ли я фактически его книженцию или просто блефую. Ну, ладно, сейчас посмотри, кто кого!»

– Мне сложно сразу сказать, что понравилось больше всего, так как вся книга в целом интересна.

После этой фразы я сделал трехсекундную паузу, внимательно наблюдая за поведением собеседника.

Мои слова произвели на англичанина должное впечатление. Уголки губ медленно поползли вниз, а в глазах интерес к моей особе заметно поутих. Вильсон явно посчитал, что я простой глупый подхалим, который пытается столь наивным способом заполучить влиятельного знакомого. Отлично, сейчас мой ответный удар, которым я просто обязан отправить англичанина если не в нокаут, то хотя бы нокдаун!»

– Однако, при этом, признаюсь, что меня буквально потрясло описание вами сцены отравления больных чумою французских солдат в Яффском госпитале по приказу Бонапарта. Насколько это неслыханное зверство по отношению к своим собственным соратникам контрастирует с благородным поведением английских офицеров при капитуляции генерала Мену в Александрии, так же прекрасно описанного вами!

При моих последних словах глаза Вильсона заметно увлажнились. «Ага, получил, фашист, гранату!» Не давая противнику опомниться, я усилил свой натиск:

– Кроме этого мне очень нравятся ваши статьи, посвященные недостаткам управления и организации английской армии. Конечно, я прочитал далеко не все из них, но и прочитанное впечатляет. При этом все вами написанные недостатки, по моему мнению, еще в большей степени соответствует русской армии, что делает ваши наблюдения чрезвычайно полезными для нас. Признаюсь, что мне так пока так и не удалось из-за занятости достать вашу последнюю книгу «Описание кампании в Польше 1806–1807 годов».

Лицо Вильсона расплылось в сладкой истоме полученного кайфа:

– Мой милый друг, вы на самом деле очень внимательный читатель и принципиальный критик. Таких сегодня не так-то часто и встретишь. Насчет того, что вы не смогли достать мою последнюю книгу можете не волноваться, я обязательно передам вам экземпляр с дарственной надписью.

– О, о таком щедром подарке я даже не мечтал! – приложил я руку к сердцу и нанес свой последний «накаутирующий удар». – Боюсь вызвать ваше недовольство своей наглостью, но признаюсь честно, было бы чрезвычайно интересно иметь счастье через несколько лет держать в руках ваше новое произведение, посвященное настоящей кампании в России.

Глаза Вильсона заволокло поволокой. Он судорожно сглотнул слюну, мотнул головой и промолвил:

– Да, это был бы весьма интересно...

– «Все. один...два...три...пять...семь...десять... нокаут!»

Откуда этому бедолаге было знать, что я уже листал то, о создании чего он в настоящее время, только мечтает – его будущую книгу «A Sketch of the Military and Political Power of Russia: In the Year 1817» ("Очерк военной и политической власти в России: В 1817 году").

На самом деле эта книжонка рыбаглазого англичанина получится самой одиозной и паскудной из всех его творений. В ней он будет злобно поносить некомпетентность русского генералитета и особенно ненавистного ему Кутузова, одновременно истерически предостерегая английское общество о грозящей от России угрозе для Индии и Константинополя.

Пока же он, втайне от всех, собирает материалы и мечтает о будущем издании. И мое предложение о написании того, о чем он уже давно сам мечтал, разумеется, не могло не вызвать у Вильсона признательности и расположения к моей особе. В подтверждение этих мыслей, полковник, тут же сунул мне свою холодную руку:

– Сэр Роберт Вильсон всегда к вашим услугам. Скажу честно, что очень раз встретить в этих диких лесах настоящего джентльмена и знатока военной литературы. Вы настоящий англофил. Надеюсь, что мы станем с вами хорошими друзьями.

На том мы и расстались, довольные друг другом. Итак, похоже я, хотя бы на некоторое время, стал приятелем своего самого опасного врага. Сколько времени продлятся наши идиллические отношения с Вильсоном, сказать было сложно, но чем дольше они продлятся, тем лучше. При этом надо было не расслабляться, а сохранять бдительность, ибо от англичанина можно было ожидать чего угодно.

* * *

Уже третий день с утра я ездил с генерал-квартирмейстером полковником Толем на рекогносцировку. Тот всегда лично проверял то, о чем доносили казачьи разъезды. С самолюбивым Толем я так же старался наладить отношения. Зная о его чрезмерном самолюбии, я все время старался развернуть наши беседы в такую сторону, чтобы полковнику было приятно высказывать свои мысли. Более всего Толю нравилось меня поучать всякой всячине, да рассказывать, как его под Сен-Готардом похвалил сам Суворов. Что касается меня, то подвигами Толя в Альпах я почти искренне восхищался, а его длинные, по-немецки нудные нотации выслушивал с предельным смирением. Это Толю нравилось, и уже спустя день он именовал меня не иначе, как «мой добрый друг-моряк».

Вернувшись с очередной поездки, мы с Толем отправились на доклад главнокомандующему. Доложив об изменениях в диспозиции французов, Толь затем неожиданно заявил:

– Ваше высокопревосходительство, судя по всему, скоро Наполеон сам оставит Москву, что к французам идет на помощь корпус Виктора и потому нам следует поторопиться разбить авангард Мюрата. Мои доводы следующие: расположение французского авангарда у речки Чернишня таково, что легко обойти левый фланг неприятеля, ибо к самому лагерю подходит лес. В лесу не устроено никаких засек, по лесу не ездят и французские дозоры. Мюрат держит себя неосмотрительно и беспечно. Он легкомысленно поверил в нашу слабость. Судя по рассказам последних пленных, французам эта война надоела, они хотят мира и уверены, что между Наполеоном и нашим императором уже идут переговоры. Силы у Мюрата невелики, всего восемь тысяч кавалерии и около двенадцати тысяч пехоты при 180 орудиях.

Кутузов терпеливо выслушал все доводы своего генерал-квартирмейстера и только потом спокойно заметил:

– Наши войска непривычны к обходным маневрам, а к тому же нынче в полках много молодых солдат. Впрочем, именно сегодня я получил письмо от государя следующего содержания: «По всем сим сведениям, когда неприятель сильными отрядами раздробил свои силы, когда Наполеон еще в Москве сам со своею гвардиею, возможно ли, чтобы силы неприятельские, находящиеся перед Вами, были значительны и не позволяли Вам действовать наступа-

тельно? Помните, что Вы еще должны отчетом оскорбленному Отечеству в потере Москвы». А потому я согласен атаковать авангард Мюрата, но с одним условием: чтобы наше нападение не переросло в генеральный бой – Надо помнить, что Наполеон с главными силами был все же весьма близко.

Я надеялся, что фельдмаршал меня оставит, и я смогу ему кое-то рассказать о нашем ближайшем будущем. Но Кутузов в отношении меня ограничился лишь дежурным кивком. К себе он позвал меня лишь следующим утром.

– Я только что получил письмо от маршала Бертье о том, что Наполеон желает прислать ко мне парламентаря. Имени его, впрочем, мне еще не объявляли. Так это точно будет Лористон?

– Точно!

– Что же он будет предлагать?

– Будет жаловаться на партизан и пожары в Москве, будет проситься лично отвезти мирные предложения в Петербург.

– Эко Бонапартия то припекло! – ухмыльнулся Кутузов. – Посмотрим, кто кого вокруг пальца обведет!

– Кстати, сегодня Вильсон закатит вам истерику, чтобы вы не встречались с Лористоном.

– Это он вам сам сказал?

Опаньки! Значит, фельдмаршал уже откуда-то знает о моем знакомстве со своим врагом. Да тут у них в Тарутине все спят, буквально, под одним одеялом!

– Нет, Вильсон мне ничего не говорил, но скандал устроит.

– Пусть скандалит, – вяло махнул рукой Кутузов.

Не прошло и часа, как из авангарда прискакал офицер сообщением о просьбе французской стороны на встречу представителя императора с Кутузовым. Известие это взбудоражило всех.

Сначала фельдмаршал намеревался встретиться с французским парламентарем глубокой ночью на аванпостах, однако целая группа генералов во главе с Беннигсеном стала настаивать на том, чтобы эта встреча состоялась в нашем лагере. Кутузов, располагая известиями о бедственном положении неприятеля в сожженной Москве, пошел навстречу пожеланиям своих соратников. К прибытию парламентаря он приказал разжечь как можно больше костров, петь песни и варить кашу с мясом для того, чтобы неприятельскому генералу было, о чем рассказать своему императору.

По лагерю фельдмаршал, обычно ходил в сюртуке с нагайкой через плечо, но по случаю приезда Лористона сменил любимый сюртук на мундир. Присутствовавшим при штабе офицерам, включая меня, сказал так:

– Господа, я вас прошу с французскими офицерами, которые приедут с Лористоном, не говорить ни о чем другом, кроме, как о дожде и о хорошей погоде.

– Ваше высокопревосходительство! – высунулась в дверь голова адъютанта ротмистра Ахтырского гусарского полка Тройкина.

– К вам полковник Вильямс!

– Легок на помине! – хмыкнул Кутузов и подмигнул мне. – Ступай, голубчик! Я только успел посторониться, как в горницу к главнокомандующему рванулся разъяренный представитель английского короля при штабе русской армии с багровой от гнева рожей.

Через секунду из-за стены раздались крики Вильямса. Но через минуту все стихло. Мы переглянулись с ротмистром Тройкиным.

– Фонтан иссяк! – ухмыльнулся тот.

Было ясно, что главнокомандующий поставил англичанина на место. Затем из дверей выбежал Вильсон, сильно хлопнув дверью, и куда-то помчался, крича на ходу:

– Это возмутительно! Shocking!

– К герцогу Вюртембергскому подался ябедничать! – прокомментировал ситуацию ротмистр Тройкин.

На аванпосты для встречи с послем Наполеона поехал генерал-адъютант Волконский. Посла Кутузов принимал в маленьком домике под горой у реки. Говорил он с генералом наедине. Штабные только гадали, о чем может идти речь и каковы будут последствия. Я помалкивал в сторонке.

После проводов Лористона я был зван пред очи фельдмаршала.

– Все прошло именно так, как ты и предполагал, голубчик. Лористон предлагал обмен пленными, я ему отказал. Сильно печалился француз и об образе нашей партизанской войны, которую мы с ним ведем, жаловался на жителей наших, которые нападают на французов, поджигают сами дома и хлеб, с полей собранный. Я уверял его, что они войну эту считают, как нашествие татар, и я не в состоянии переменить их воспитание. Наконец, стал говорить о мире и дружбе между Александром и Наполеоном. Горевал, что, неужели эта необычная, эта неслыханная война должна длиться вечно. Я отвечал, что никакого наставления на этот счет не имею.

– Надеюсь, чтобы задержать подольше Наполеона в Москве, вы, ваше высокопревосходительство, сказали генералу, что надеетесь на благополучный исход переговоров.

– Все именно так и было. Я заверил Лористона, чтобы он отправлялся обратно с надеждой на благоприятный отзыв. Думаю, что это даст нам дополнительное время для отдохновения утомленных войск и дальнейшего пополнения. Что-то я все больше и больше начинаю тебе верить Колзаков. А знает ли хоть одна живая душа о твоей сказочной жизни?

– Ни одна! – заверил я старого полководца.

– А Багратион?

– Князь Петр знает лишь то, что я умею предсказывать последующие военные действия и некоторые жизненные обстоятельства.

– Это хорошо, голубчик, что никто ничего не знает! – резюмировал фельдмаршал, снова барабанил пальцами по столешнице, как и в день нашего знакомства. – Пойми, что за обладание сведениями, которыми ты владеешь, многие бы отдали половину своего царства. А потому держи и впредь свой рот за семью печатями, не доверяя никому, кроме, разумеется, меня.

* * *

Несмотря на временное затишье в штабе армии было достаточно тревожно. Никто не знал, что дальше предпримет Наполеон, и каждый день ждали его возможного наступления.

Эта тема обсуждалась бесчисленное число раз, что, в конце концов, я не выдержал и заявил, что готов биться об любую заклад, что все будет хорошо и Наполеон ни при каких обстоятельствах не посмеет нас атаковать. Сразу же в мой адрес посылались смешки.

А желчный Ермолов, ухмыльнувшись, заявил:

– Господин моряк, не надо строить из себя Александра Македонского! Наполеон просто обязан нас атаковать из-за непрекращающихся ошибок нашего командования! Во-первых, наш лагерь весьма тесен, из-за чего быстрое перемещение войск представляет большие трудности. Во-вторых, слабым местом у нас являлся слабо укрепленный левый фланг, который к тому же не прикрывает надежно Новую Калужскую дорогу. Французам достаточно показаться на этом направлении, и мы бросим свой лагерь без боя. Ну, а поведение некоторых особо перед наполеоновским послем просто недостойно нашей армии!

Говорил все это, Ермолов громко, явно, чтобы привлечь к себе всеобщее внимание. Вся его речь была направлена, разумеется, не против меня, а против главнокомандующего. Среди собравшихся вокруг Ермолова снова раздались смешки, но уже не ироничные, а подхалимские. Скажу честно, мне стало обидно за Кутузова, и я постарался последнее слово за собой:

– Ваше превосходительство, мне кажется, что наш главнокомандующий не только опытный полководец, но и не менее опытный дипломат и знает, что делает! – сразу взял я быка за рога.

Ермолов недовольно уставился на меня, а затем, величаво скрестил руки на груди, показывая всем своим видом разницу между генерал-лейтенантом и капитан-лейтенантом. Я же продолжал, причем столь же громко, как до этого вещал сам Ермолов:

– Наш главнокомандующий прекрасно понимает, что сейчас ему необходимо выиграть время для укрепления армии. Поэтому он и разыграл перед Лористоном целый спектакль, прикинувшись слабым стариком, сочувствующим мирным намерениям Наполеона. Беседа проходила с глазу на глаз, без свидетелей, что и вызвало у недоброжелателей фельдмаршала подозрения в некой сепаратной сделке. Однако они ошибаются. Кутузов не уступил Лористону ни в чем!

Вокруг меня наступила полная тишина. Не было ни реплик, ни смешков. Сменил свою важную позу даже Ермолов.

В этот момент ко мне из общей толпы шагнул полковник Вильсон. Не понимая ни слова по-русски, англичанин не мог понять, о чем я рассказывал остальным, но общая напряженная ситуация и то, что я в настоящее время обладал какой-то интересной информацией о переговорах Кутузова от него не ускользнуло.

– О, Колзакофф! – приветствовал он меня радостным возгласом, словно мы были друзьями с младенческих лет. – Я рад вас видеть в добром здравии! Подхватив под локоть, англичанин довольно бесцеремонно потащил меня на улицу и достаточно бестактно начал свой допрос:

– Вы видели генерала Лористона?

– Конечно, колоннель!

– Вы присутствовали при разговоре фельдмаршала с Лористоном?

– Увы, нет. Кутузов весьма недоверчив даже к своему ближайшему окружению.

– Тогда, что вы знаете о ходе переговоров и достигнутых договоренностях? – длинное лицо Вильсона было напряжено и рыбы глаза источали нетерпение. Так как в данном случае планы фельдмаршала вполне соответствовали планам английского представителя, я мог с чистой совестью рассказать ему общую суть переговоров и позицию фельдмаршала. Моей информацией Вильсон остался весьма доволен.

– Значит, фельдмаршал считает невозможным ведение переговоров с Наполеоном и лишь затягивает время, чтобы тот глубже увяз в Москве.

– Совершенно верно. Когда же он, наконец, поймет, что его перехитрили, он развернет армию в польские пределы, но отступить уже ему придется в снег и мороз, в окружении наших партизан и в постоянных боях с нагоняющей нашей армией. Уверяю вас, полковник, план Кутузова для данной ситуации идеален и не оставит Наполеону ни одного шанса при всей его хваленой гениальности.

– Хотелось бы верить, что вы Колзакофф правы в своих утверждениях. Однако я все же должен известить вашего царя о своих сомнениях и нежелании фельдмаршала видеть меня за столом переговоров.

«Ну, не свинья ли этот Вильсон! С чего бы это Кутузову таскать его за собой. Ни в каком уставе права представителя союзной армии не оговорены. Да и разница в чине генерал-фельдмаршала и простого полковника слишком разнится, чтобы последний мог претендовать сидеть во время в секретных переговоров на одной лавке с русским главнокомандующим. Максимум, что ему может быть дозволено – это стоять в сенях за дверью и хватать выходящих из княжеской горницы адъютантов, выведывая у них всяко разное, чем собственно он сейчас и занимался».

Все свое негодование я выразил, конечно же, исключительно в мыслях, при этом приветливо улыбаясь собеседнику. Тот остался мной, вполне доволен. Разумеется, и Вильсону, и штабным чинам я рассказал далеко не все из того, что знал. Умолчал, что во время этих переговоров по главному вопросу о заключении мира фельдмаршал все же не дал резкого отпора и даже послал курьера в столицу с секретным предписанием попасться в руки французов. Тем временем другой курьер, с просьбой к императору Александру не заключать мира, был послан в обход, через Ярославль. Я умолчал, что этот маневр должен усыпить бдительность Мюрата и на позициях, в ожидании ответа из Санкт-Петербурга установится неофициальное перемирие. Именно это обстоятельство впоследствии и сыграет большую роль в успехе будущего Тарутинского боя.

* * *

Что касается Кутузова, то на следующий день после визита Лористона, он перенес свою ставку в деревню Леташевку, что на Старой Калужской дороге. После визита Лористон войскам был объявлен и приказ главнокомандующего: «Бить вечерние зори во все барабаны при музыке, ибо настало время вновь торжествовать победы наши над неприятелем, стоя во фланге его с 90 000 бодрых воинов». Это значило, что дни безмятежного пребывания в Тарутинском лагере заканчивались, и приближается военная страда. Начать переход к активным действиям Кутузов решил внезапной атакой авангарда маршала Мюрата при речке Чернишне.

Ах, Михаил Илларионович, Михаил Илларионович! Великий хитрец и политик! Раньше я об этом только читал в его биографиях, теперь же воочию убедился в справедливости таких оценок и сам.

Вот и еще один день в этом странном для меня мире прошлого подошел к своему концу. Барабанщики пробили «зарю», полковые батюшки пропели «Отче наш», после чего со всех концов бескрайнего лагеря заголосили фельдфебели:

– Водку пить!

Все сразу пришло в движение. Это солдаты поспешали к своим каптенармусам, чтобы испить «ржаного молочка», как они ласково именовали выдаваемую водку. И хотя жадная каптерская душа, разумеется, разбавляла водку речной водицей, все равно пили солдаты «молочко» с превеликим удовольствием.

Из всего штаба наиболее теплые отношения сложились у меня и со старшим адъютантом фельдмаршала капитаном Иваном Скобелевым, дедом будущего знаменитого «белого генерала» героя Плевны и Средней Азии Дмитрия Скобелева. Иван был открытым, общительным и бойким малым, в отличие от подавляющего большинства остальной околотабной челяди. К этому моменту он успел пройти уже три войны, получив в них три раны, лишился трех пальцев и заработал три ордена. Как он сам говорил мне, что ежели и дальше ему будут за каждый палец давать по кресту или звезде, то у него еще пальцев на целый иконостас имеется...

В Бородинском сражении полк Скобелева выбили начисто. Остались в живых лишь он, знаменосец с трубачом и барабанщиком, да пять солдат, которые из последних сил отбивались от окружавших французов. Как оказалось, за происходящим наблюдал сам Наполеон. Когда же окруженные попали в плен, он оказал им воинские почести за удаль. Наполеон самолично прикрепил на грудь Скобелева орден Почётного легиона и велел доставить пленников в русский лагерь. После этого Кутузов и определил Ивана к себе в старшие адъютанты.

– Эх, Павел Андреевич, – говорил мне Скобелев, вечерами, когда мы дружно заваливались на наши шаткие лежанки, – Есть у меня одна мечта-идея. Коли останусь в живых, стать писателем, чтобы книжки про войну, да про геройства разные писать.

– Останешься, ясное дело, останешься. – зевая, ободрил я его.

– Да ежели и останусь. – горестно чесал своей культияпкой шевелюру Скобелев, – Я ведь в грамоте я не шибко, а писаки, знаешь, какие все умники! Ого-го!

– Ты Ванюша не бойсь, – приободрил я своего собеседника, почти засыпая. – Грамота писателю ни к чему, на то есть редакторы, которые всегда за него как надо перепишут, да и точки с запятыми где следует расставят. Спи, граф Толстой ты наш!

– Это какой такой граф Толстой, не из Павлодарского ли гусарского? – насторожился Скобелев.

– Он самый! – уже сквозь сон отозвался я.

Пройдут годы, и генерал Иван Скобелев действительно начнет писать книги под псевдонимом «русский инвалид», которые, несмотря на все примитивность их сюжетов, будут весьма популярны в народе.

Впрочем, были при штабе еще весьма интересные для меня люди. Вот, к примеру, титулярный советник Михайловский-Данилевский, первый историк войны 1812 года. Совсем недавно, бросив теплое место в министерстве финансов, он прибыл в армию с Кутузову и, став адъютантом главнокомандующего, теперь отвечал за ведение журнала боевых действий. Будучи совершенно штатским человеком, Михайловский-Данилевский был весьма далек от штабных интриг и истово любил историю Отечества. На этой почве мы с ним быстро нашли общий язык и не единожды имели приятные беседы. К тому же мы вспомнили и памятную встречу у безвестной деревушки, в которую я привез раненного Багратиона и помощь, оказанную нам в размещении титулярным советником.

Был еще и никому не известный саперный поручик Александр Рубцов. С торчащими во все стороны волосами и сдвинутыми на нос очками Рубцов был похож на классического интеллигента-разночинца, невесть, какими ветрами занесенного в начало XIX века. Должность у Рубцова была самая малая и невидная. Занимался он своими саперными вопросами, а в свободное время штудировал книжки о паровых машинах Уайта и мечтал, чтобы использовать эти машины на строительстве укреплений.

– Знаешь Александр – сказал я ему, когда увидел, как Рубцов чертит очередной рисунок несуразного землеройного устройства с паровой машиной. – Ведь с помощью паровой машины можно будет совсем скоро создать и самоходные паровые кареты, и даже паровозы.

– Что такое паровозы? – сразу же деловито поинтересовался Рубцов, и очки сползли ему на нос.

– Смотри, я тебе сейчас примерно нарисую, – ответил я ему и, взяв карандаш, изобразил паровоз с вагонами, трубой и дымом.

Затем детально все прокомментировал.

– Невероятно! – поразился саперный поручик. – Кто-то это уже сделал? Небось, англичане?

– Пока еще никто, но если мы с тобой не будем сидеть, сложа руки, то может, будем в этом деле первыми, – похлопал я Рубцова по плечу.

– Знаете, Павел Андреевич, если вы говорите серьезно, то я отныне ваш самый верный друг и союзник в этом паровозном деле. – Только скажите, что надобно делать! Я уже люблю эти ваши паровозы! Поклянись, что мы их с вами сделаем!

– Клянусь! – сказал я ему. – Вот выбросим французов с нашей земли, тогда займемся и паровозами, и многими другими интересными и полезными для России вещами.

* * *

В тот же день я получил весьма солидные финансовые средства и сразу почувствовал себя настоящим Крезом. Однако оружие, которое я так же получил, как офицер штаба главнокомандующего – новую шпагу и три кремневых пистолета, не могли вызвать во мне не то, что

радости, но даже умиления. Да в своем будущем времени я бы бесконечно радовался таким раритетам, но сейчас... Что толку от пистолета, который стреляет всего один раз, да и то с приличной задержкой, из-за кремневого замка. А в дождь на такое оружие вообще рассчитывать нельзя, т. к. отсыревает порох. Иметь бы при себе какой-нибудь нормальный пистолет с хорошим запасом патронов! Я уже не говорю, о ПМ или «Стриже». Был бы хоть какой-нибудь старый ТТ, да где взять!

Внезапно меня осенила столь смелая мысль, что я даже вскочил со своей лежанки.

– Что-то случилось? – спросил дремавший рядом на своей раскладушке Скобелев.

– Да нет, ничего!

Покинув избу, я быстрым шагом двинулся, не зная куда, впрочем, ноги сами меня куда-то несли, так как мне было совершенно все равно, куда мне идти. Голова моя была занята совсем иным. Дело в том, что я вспомнил – знаменитый Самюэль Кольт изобрел свой не менее знаменитый капсюльный револьвер уже в 1835 году, а год спустя уже стал его выпускать. Это значило, что уровень промышленности данной эпохи и развитие технологий вполне созрели для производства столь совершенного оружия, каким был кольт! А ведь кроме револьвера можно было параллельно создать и капсюльное ружье. Это был бы революционный переворот в вооружении, и если бы это первой сделала России, история могла пойти совсем иным путем. Что касается меня, то любя оружие, я всегда с особым трепетом относился к старым пистолетам и револьверам, неплохо зная их устройство и даже немного технологию изготовления. А что, если бы я смог опередить знаменитого американца и первым «создать» его револьвер, причем не двадцать лет спустя, а прямо сейчас. Впрочем, прямо сейчас шла война, и было очевидно, что для «изобретения» у меня не будет ни времени, ни возможности. Вот если удастся остаться в живых после этой войны, тогда еще все может быть. От такой радужной перспектив мне хотелось кричать и петь. Не сдержавшись, я вполголоса запел:

Артиллеристы Сталин дал приказ! Артиллеристы зовет Отчизна нас!

И сотни тысяч батарей За слезы наших матерей, За нашу Родину Огонь! Огонь!

Эх, если бы, хоть кто-то мог меня понять! Если бы хоть с кем-то я мог поделиться своими мыслями, без опасности быть принятым или за идиота, или за глупого мечтателя. Отвлечшись от своих с мыслей, я увидел, что стою напротив избы Кутузова. Маячившие у крыльца часовые с непониманием косились на меня. Оконце в горнице Кутузова светилось. Это мерцала свеча – старый фельдмаршал еще не спал.

На обратном пути до избы Коновницына я начал развивать свою мысль о вооружении дальше. Ладно, пистолетами я займусь позже, когда для этого будут хоть какие-то условия. Что касается шпаги, то я бы все же предпочел ей более совершенную саблю, но шпага все еще считается штатным оружием и придется пока таскаться с ней.

Фехтованию я немного учился в нашем историческом клубе, но честно говоря, никогда это дело особо не любил. Как бы ты не фехтовал шпагой, но против ружья со штыком немного навоюешь. Моей любовью всегда было метание ножей. Во время службы в ДШБ я метал ножи на звук, на вспышку света, с завязанными глазами из разных стоек и в падении на землю. Лучший мой личный результат это четыре ножа в лист сирени и три штыка от автомата АКМ с шести метров в крышку банки от сгущенного молока.

После недолгих раздумий я пришел к выводу, что метательные ножи мне будут нужны в любом случае. И надо заняться их изготовлением. С этой хорошей мыслью я и вернулся в свою «берлогу». Гусарский ротмистр уже вовсю похрапывал, издавая какой-то полусвист-полухрип. Быстро раздевшись, я забрался под одеяло и почти сразу провалился в глубокий сон.

* * *

Следующим утром я, первым делом, навел справки о толковом полковом кузнеце. Мне отрекомендовали некоего Алексея Матюшкина – старшего кузнеца Конногвардейского полка. О нем говорили не только, как о мастере своего дела, но и о человеке, который всегда готов помочь человеку, который к нему обратиться за помощью. Матюшкина я нашел быстро. Несмотря на большую загруженность работой, увидев мои аксельбанты, он сразу согласился помочь мне. Еще бы не согласиться, когда ему отдал распоряжение представитель самого Кутузова! Тем более что я сразу озвучил и стоимость предстоящей работы, которая кавалергардского умельца, видимо, устроила. Как и все кузнецы, Матюшкин любил поговорить. Вначале он поведал мне, что сам из подмосковного села Таганьково, а жена его из-под Бронниц. Выслушав это, я начал втолковать кузнецу, что и как ему следует делать. Вначале мы выбрали сорт железа, из которого предстояло ковать мои ножи. Сделать это было не так-то просто, так как по жесткости железо должно было быть не жестким, чтобы не ломалось и не мягким, чтобы нож не гнулся. Лучше всего для метательных ножей всегда годилась рессорная сталь от ГАЗ-21, но где взять рессору от горьковской «Волги» в начале XIX века! Не сразу, но сорт железа мы с Матюшкиным все же определили. Теперь все зависело от него, чтобы он, не дай бог ничего не перекалил и не перековал. Впрочем, Матюшкин заверил меня, чтобы барин не сомневался, так как все будет как надобно.

Затем я втолковал кузнецу, какой должна быть форма моего ножа. я отправился в случае. к выводу, что метательные ножи мне будут нужны в любом случае. Опираясь на опыт своих предшественников, я давно пришел к выводу, что нож, должен напоминать силуэт плывущей акулы, когда нижний режущий край более полого заточен относительно верхнего. Такой нож не только удобно метать, но им также удобно работать в ближнем бою и фехтовать на дистанции. В спецназе мы, как правило, работали ножами длиной в 15 сантиметров плюс ручка.

Итак, метательный нож должен весить около 200 граммов. В пересчете на старые меры веса это значило 48 золотников.

Выслушав это, кузнец Алексей почесал кудлатую бороду:

– Значится, весу в ножике твоём будет «гривенка малая».

– Ну, да, – кинул я в ответ, абсолютно не представляя, что это за такая милая мера веса. Разобравшись с формой и весом, мы перешли к вопросу заточки.

– Заточку заготовок производи с двух сторон посередине длины ножа от жала до начала рукоятки, не затрагивая последнюю. Иначе мне трудно будет сбалансировать нож. – Объяснил я кузнецу.

– Какой такой баласыр? – не понял он.

– Ладно, отмахнулся я. – Тебе это не надо!

Всего я заказал кузнецу десяток ножей. Для одного вполне достаточно. Через день Алексей Матюшкин торжественно явился ко мне и, загадочно улыбаясь, торжественно развернул тряпицу, в которой лежала дюжина весьма неплохо выкованных лезвий.

– Я же десяток заказывал?

– А пусть будет вашему благородию запасец! – снова улыбнулся мне кузнец Алексей.

Получив от меня за работу золотой червонец, он был на десятом небе от счастья:

– Та когда вашему родию чего надобно еще сделать, так я хочь черта лысого подкую!

– Ладно, черта не черта, но и тебе спасибо огромное!

Рукоятки к ножам я вырезал сам из липы. Штабные офицеры искося поглядывали за моей работой. Было видно, что им очень любопытно, но спрашивать не решались, мало ли, чем занят офицер для особых поручений. Может это у него поручение такое особое – ручки для ножей вырезать.

Когда ручки были готовы, я насадил их на ножи и занялся балансировкой. Без хорошей балансировки метать ножи – гиблое дело. В то место, где рукоятка начинается от лезвия, я поставил указательный палец правой руки, а указательный палец левой руки слегка удерживал нож в горизонтальном положении у жала. При отпускании пальца левой руки рукоятка ножа, как бы задержавшись, ровно и потягивала нож к полу. В первом случае рукоятка ножа оказалась значительно тяжелее лезвия, и нож сразу упал на землю в сторону рукоятки. Пришлось обстругивать рукоятку. Так не слишком быстро, но я сбалансировал все свои двенадцать ножей. После этого я выкрасил ножи чернью, для того, чтобы их не было видно в руке и в полете. На следующий день я нашел время и, отъехав подальше от лишних глаз в лет, вдоволь наметался ножами, начав с двух метров и постепенно увеличивая дистанцию броска до предельных двенадцати, меняя при этом поочередно и стойки, и руки. Если поначалу кое-что не получалось, то потом руки сами вспомнили, что и как делать и все быстро пошло на лад.

Затем я заказал у ближайшего полкового шорника кожаный пояс под ножи и чехлы, которые сшили по моей раскройке: один для ношения ножа за спиной, второй в рукаве и третий в сапоге. Через несколько часов я уже примерял и пояс, и чехлы. Все меня вполне устроило. Хотя в том не было особой необходимости, я сразу же решил, что и пояс, и чехлы с ножами всегда будут при мне. Конечно, всю дюжину таскать не стоит, но пять-шесть всегда надо иметь под рукой, как пятый козырь в рукаве. Как знает, что нас ждет за ближайшим поворотом!

* * *

День спустя Кутузов перенес главную квартиру в соседнюю деревню Леташевка, что лежала в четырех верстах по дороге в Калугу, так как там было не столь тесно и шумно.

Фельдмаршал занял чистую избу с тремя окнами. За дощатой перегородкой у печи стояла кровать Михаила Илларионовича, остальная, большая часть избы была кабинетом, столовой и приемной фельдмаршала. Генерал Коновницын с канцелярией так же перебрался в Леташевку и разместился рядом в старой избе, которую топили «по-черному». В эту же дымную избу переселился и остальной штабной «планктон», включая меня. Во дворе в низеньком овине стал квартировать комендант главной квартиры, бывший суворовский любимец Ставраков.

Тогда же пришел и высочайший указ о производстве меня «за подвиги в сражении с неприятелем у села Бородино» в капитаны 2 ранга. Учитывая оперативность моего производства, думаю, здесь не обошлось без участия Багратиона, который самолично отписал о моих заслугах императору и расписал их в превосходных степенях. Насколько я помнил, мой пращур никакой перемены в чинах после Бородино не получил. А это значило, что я не только теперь обогнал его в карьере, но и еще раз, пусть самую малость, но изменил течение истории. По случаю своего производства, я, как водилось, не только в ХХI веке, но и в веке ХIХ, проставился своим сослуживцам. В этом смысле в российской армии никаких изменений я не заметил.

Свободное время офицеры штаба, как и раньше, проводили у гостеприимного Коновницына. Никакой мебели не было. В сенях глиняный пол толстым слоем устлали соломой, сверху набросали попон, ковров и бурок. Так организовался своеобразный штабной клуб, где обедали и ужинали, а кроме того спали вповалку офицеры штаба, адъютанты и заезжие гости. Там же курили трубочки, гоняли чай и калякали на всевозможные темы. Народу всегда в сенях было не протолкнуться, но, как это, ни странно, всем хватало места и поесть, и поспать.

В целом штаб Главной армии, при ближайшем рассмотрении оказался настоящей «банкой с пауками». Первым из «пауков» был Беннигсен, все еще не потерявший надежду когда-нибудь свалить Кутузова и самому стать главнокомандующим. Беннигсен всюду кричал о дряхлости главнокомандующего, хотя сам был ровесником Кутузова. К Беннигсену примыкали родственники царя, молодые, но ядовитые генералы – герцог Вюртембергский и принц Ольденбургский. Отдельную партию представлял мой новый знакомец сэр Роберт Вильсон, имев-

ший непонятно зачем некие полномочия от Александра Первого. Вильсон был ганноверцем по происхождению, а значит земляком Беннигсена, и в чем-то его единомышленник. Свою линию гнул и, оказавшись не у дел, и московский губернатор Ростопчин, живший здесь же при штабе. С Кутузовым они на дух не переносили друг друга. Сам себе на уме был и внешне доброжелательный, но всегда державший камень за пазухой, самолюбивый и злой на язык Ермолов.

Мое появление штаб встретил без особой радости. Как же явился, не запыхавшись, и сразу в «дамки» – в любимчики к главнокомандующему, да еще в некой загадочной должности офицера по «особым (каким еще особым?) поручениям». С другой стороны, я имел флигель-адъютантский аксельбант, и за мной стояла фигура князя Багратиона. При этом все понимали, что у Кутузова ко мне по некой неизвестной причине (таинственное сожженное письмо Багратиона!) особенное отношение, как понимали, что в случае возвращения к армии Багратиона мое влияние еще более усилится. По этой причине, в целом внешне окружающие относились ко мне достаточно предупредительно, хотя и настороженно.

* * *

А затем у меня произошла весьма небезынтересная встреча. Утром следующего дня я получил приказание фельдмаршала донести до сведения Беннигсена какие-то секретные бумаги. Сам Кутузов, по понятным причинам, старался лишний раз с генералом не встречаться. Меня же он по какой-то причине посчитал фигурой для сношений с Беннигсеном самой подходящей, и теперь я должен был возить их взаимные письма друг к другу. Не слишком довольный своей новой миссией, я отправился в недолгий путь от одной околицы к другой, когда вдруг неожиданно за спиной услышал крик:

– Ваше высокородие!

Я оглянулся. Поодаль стоял и улыбался мне тот самый егерский унтер-офицер, что спас меня во время рукопашной схватки в день Бородина.

– А я все думал, выжили, али нет! Поклон вам мой, что тогда спасли меня от штыка французского!

– Да и тебе спасибо, что спас меня! Давай хоть познакомимся. Я капитан 2 ранга Колзаков Павел Андреевич, состою нынче при главнокомандующем.

– Унтер-офицер егерского полка Василий Алдакушкин! – бойко представился мой спаситель.

– А по отчеству как?

– Батюшку Петром звали.

– Значит Петрович! – улыбнулся я, вспомнив своего первого старшину роты в училище прапорщика Усуляка, которого мы тоже с удовольствием звали Петровичем. – А знаешь, Петрович, не хотел бы ты перейти служить ко мне?

– Это в денщики что ли? – сразу нахмурился унтер. – Звиняйте ваше высокородие, но я уж лучше в строю повоюю. Не привыкши я в холуях состоять.

– Ты не правильно меня понял. Мне не нужен денщик. Мне нужен толковый и преданный помощник, на которого я мог бы положиться в минуту опасности, чтобы и меня в бою мог прикрыть и тайну хранить. Смотри!

Я вытащил несколько своих ножей и с разворота один за другим всадил в ствол ближайшего дерева, так что они образовали почти правильную окружность.

– Здорово! – не удержался от восхищения унтер.

Издали за метанием ножей наблюдали и курившие неподалеку солдаты. По их приглушенным голосам я понял, что они тоже поражены увиденным.

– Хочешь научиться? – спросил я Петровича.

– А кто ж не хочет вашеродие так ножики-то кидать, я ж все же егерь.

– Ну, что, теперь пойдешь ко мне?

– Ежели научите хоть малость, пойду с превеликим удовольствием.

Да я и сам видел, как у унтер-офицера загорелись глаза, когда он увидел мою демонстрацию.

– И ножики метать научу, и еще многое что. – усмехнулся я. – Было бы только желание. Не откладывая дела в долгий ящик, я, отнеся бумаги Беннигсену, сразу зашел к командиру лейб-гвардии егерского полка Бистрому.

Полковника Бистрома я нашел в его полковой палатке, где он еще с несколькими офицерами вел какие-то служебные разговоры. Подождав, пока офицеры покинут палатку, я одернул полог:

– Разрешите, Карл Иванович!

– Заходи, добрый путник, кто бы то ни был! – донеслось из глубины.

– Флигель-адъютант и офицер для особых поручений главнокомандующего капитан 2 ранга Колзаков!

Увидев меня, Бистром заулыбался:

– Помню, помню! Ты тот моряк, которого лошадь чудесным образом перенесла из одной армии в другую! Очень рад, очень рад!

Настроение Бистрома было прекрасным – со дня на день он ждал производства в генерал-майоры за отличие при Бородино.

– Ты ко мне поболтать за жизнь или по делу!

– По делу, Карл Иванович. Не были бы вы столь любезны, отдать мне в личное подчинение унтер-офицера вашего полка Алдакушкина.

– Алдакушкина! Да, губа не дура! – улыбка Бистрома сразу сошла на нет. – Это один из лучших моих егерей, Георгиевский кавалер, да и мастер на все руки. Зачем вам в денщиках такой служака. Для денщика другие качества нужны. Давайте я вам другого подберу, и услужливого, и домовитого...

– Вы, Карл Иванович, меня не поняли! – прервал я тираду Бистрома. – Я вам доложил, что являюсь не адъютантом фельдмаршала, а офицером для особых поручений. Особых! А потому мне нужен не денщик, а именно опытный егерь, умеющий выполнять особые задания. Это не моя прихоть, а распоряжение главнокомандующего. – для пушей убедительности приуменьшил я.

– Ну, разве так, тогда конечно берите! – кивнул мне Бистром, но уже без прежней ласковости в голосе.

Он тут же вызвал полкового адъютанта и велел сделать бумагу на перевод унтер-офицера в штаб армии.

Уже через пару часов Алдакушкин был у меня. Приказав штабному писарю оформить его и поставить на довольствие, как моего денщика, я первым делом расспросил моего нового подчиненного о его жизни и службе. Коли вместе служить, то и узнать надо друг друга получше. А потому, поведав о себе (разумеется, нынешнюю официальную легенду), я затем расспросил и его о прошлом житие-бытие.

Родом Василий оказался выходцем из Рязанской губернии села Аграфенина Пустынь. Отец Алдакушкина был егерем у помещика. К егерскому ремеслу был приучен с малолетства и сын. В рекруты Алдакушкина забрали еще в далеком 1797 году в возрасте двадцати лет. Знание грамоты, охотничье прошлое и меткость в стрельбе стали причиной того, что новик Алдакушкин попал в егеря.

Что касается егерских полков, то их вообще старались комплектовать из охотников, отличавшихся меткой стрельбой. Егеря в отличие от линейцев, зачастую действовали нередко независимо от сомкнутого строя. Они прикрывали главные силы, обычно начинали и заканчивали

сражения, устраивали засады, брали «языков», осуществляли разведку и дозор вокруг своих войск. Именно потому среди егерей более всего ценилась не умение маршировать, а умение мастерски владеть оружием и смекалка. Почти сразу егерь Алдакушкин попал на войну. Да на какую! Под началом великого Суворова он прошел весь Итальянский поход, а затем и небывалый по трудности переход через Альпы. Дрался под непосредственной командой князя Багратиона, вместе с ним взбирался по кручам Сен-Готарда, выходя в тыл солдатам Макдональда. По возвращении за отличие был переведен в лейб-гвардейский батальон, шефом которого был определен Багратион. Затем было участие в кампании 1805 года и Аустерлицком побоище, а полтора года спустя в не менее тяжелом сражении при Фридланде (где получил первый солдатский Георгий) и в кровопролитии на реке Аа. Там Алдакушкин был ранен. После выздоровления дрался со шведами у деревни Иденсальми, за что получил Георгия уже 3-й степени. Затем довелось ему участвовать и в знаменитом походе по льду на Аландские острова в марте 1809 года под командой все того же князя Петра. С началом нынешней войны Алдакушкин с другими гвардейскими егерями защищал переправы через Днепр, успел поучаствовать и в сражении под Смоленском. Ну, а познакомились мы с ним уже при Бородино. Уже после этого неутомимый егерь успел снова поучаствовать в бою с французским авангардом при Красный-Доброе. Так что послужной список у унтер-офицера был весьма и весьма впечатляющий. Впору, мемуары писать.

На егерского унтер-офицера я очень рассчитывал. Кто знает, что меня ждет завтра, а смотреть в него, имея рядом верного, смелого и опытного помощника, намного веселее, чем одному. К тому же мне у егеря тоже надо было кое-чему поучиться.

– Не можешь ли ты научить обращаться с лошадьё? – попросил я Алдакушкина уже в первый день нашей «совместной службы» но, вспомнив, что он все же не казак, а егерь, добавил. – Если, конечно сможешь?

– А чего не смочь-то, пожал плечами егерский унтер-офицер. – Чай дело не хитрое.

– А когда начнем?

– А чего ждать-то, сразу и начнем. Первым делом надо освоить походную седловку, как составлять седло с полным выюком.

– Я весь во внимании!

– Значица так, – солидно прокашлялся в кулак Алдакушкин. – Для удобства седлания стремяна подтягиваются, а подпруги перекидываются через сиденье. Само седло накладывается с левой стороны лошади так, чтобы передняя лука находилась впереди холки, а затем для приглаживания шерсти седло сдвигается к крупу настолько, чтобы скоба передней луки пришлась над серединой холки. Понятно?

– Пока да.

– После этого подтягиваются подпруги, для чего передняя предварительно пропускается в петлю подгрудного ремня подперся. Пряжка передней подпруги должна находиться на два пальца, а задней – на три ниже левой полки ленчика. Ясно?

– Уже не очень, – признался я. – давай этот параграф повторим, а еще лучше отработаем практически...

* * *

А вечером того же дня со мной приключилось вообще нечто невероятное, от чего я долго не мог прийти в себя. Все произошло уже ближе к вечеру, когда я, после суетного штабного дня направлялся от кутузовской избы к своему лежбищу. Мысли в тот момент были где-то далеко.

В этот момент неожиданно я почувствовал чей-то взгляд на своей спине, причем взгляд, который я «увидел» кожей, был враждебный, даже более того, он был смертельно опасным, при этом, одновременно, он был, как бы это лучше сказать, влюбленным, что ли. Лучше я

просто не могу выразить те чувства, которые он во мне вызвал, к тому же, возможно, что это лишь игра моего воображения. Мало ли чего может показаться в минуту опасности. К тому же, все это длилось какие-то доли секунды. Умение чувствовать опасность за мгновение до того, как опасность станет реальностью, выработалось у меня за нелегкие годы службы в спецназе. Все решало какое-то мгновение. Скорее рефлексивно, а не осознанно, я резко бросился в сторону, затем «рыбкой» нырнул в близлежащие кусты. И почти сразу прозвучал едва слышный выстрел, пуля просвистела над головой и отколола щепу с близлежащего дерева, которая щедро осыпалась мне на голову.

Теперь ответ был за мной. Прикинув, откуда мог прозвучать выстрел, я осторожно пополз туда, вжимаясь в траву и стараясь массировать свое движение кустарником и стволами деревьев. Стрелявший, вряд ли ожидает, что его, соскочившая с мушки жертва, сама начнет охоту. Вот, кажется, и выпал случай применить мое метательное «ноу-хау». Внезапно вдалеке затрепещали кусты. Кто-то, явно, быстро и абсолютно не таясь, убежал. Поняв, что неизвестный киллер, больше меня не стережет, я, не теряя времени, бросился в погоню за своим несостоявшимся убийцей, стараясь при этом бежать не прямоком, а зигзагом, на тот случай, если беглец снова решит пальнуть в мою сторону. Но никто так и не пальнул. Вдобавок ко всему, делая зигзаги, я отстал от киллера, а потом и вовсе все стихло. К этому времени совсем стемнело. Интуитивно я чувствовал, что мой враг затаился где-то совсем рядом, может быть, даже наблюдает за мной. Я же опять вынужден был двигаться, становясь идеальной мишенью. Не желая заканчивать свою жизнь в ночном лесу, я повернул назад. И снова чувство пристального взгляда в спину, но уже совсем не опасного, как полчаса назад. На всякий случай, чтобы не искушать судьбу, я прибавил шаг.

Итак, ситуация самая неприятная. Похоже, что я стал кому-то мешать, и за мной началась откровенная охота. Но кто и почему? Неужели, я чем-то выдал себя и сейчас меня хотят отстрелить, а может быть это какой-то заблудший француз или вообще свой брат-дезертир, решил прибрахлиться офицерской обувкой?

* * *

– Ваше высочордие! – прервал мои раздумья выросший перед глазами унтер-офицер Алдакушкин. – Там вас все уже обыскались!

– Кто?

– Да брат, говорит, ваш!

Спокойно, спокойно. Тут действительно не заскучаешь, только что меня убивали, а теперь вот предстоит знакомство с родным братом. Хоть бы узнать его, что ли. Поди, определи его среди офицеров? А не узнать родного брата – это, я вам, скажу, уже черт знает, что! В полюсе то, что я знаю, как зовут брата, но как именно величают его в семье: Александром, Шурой или просто Сашей? Надо быть настороже и в разговоре о родственниках, так как я не представлял, живы или нет наши батюшка с матушкой, и есть ли еще, какие-нибудь братья и сестры.

На мое счастье младший брат сам вышел мне навстречу и, завидев меня, поспешил, раскрыв объятья.

– Ну, здравствуй, брат мой Саша!

– Здравствуй Павел!

И мы троекратно расцеловались.

– Поздравляю с новым чином! Мы все наслышаны про твои подвиги на Бородинском поле и то, как ты выходил раненного князя Багратиона. Это у тебя талант от нашей матушки! Помнишь, как она любила врачеванием заниматься?

– Еще бы не помнить, – согласился я – наша матушка преотличная знахарка!

– К сожалению, уже была. – перекрестился братец.

– Да уж, – быстро сориентировался я. – Упокой Господи ее душу!

Так, насчет матушки мы кое-что выяснили. Но как быть с остальными родственниками и многочисленными общими знакомыми? Чтобы не попасть в неудобное положение, пришлось снова рассказать свою дежурную историю о контузии и частичной потери памяти.

– Ты знаешь, – сообщил я брату. – Все последние события я помню преотлично, а все, что было до войны как в тумане.

– Ничего, – приободрил меня Александр. – Постепенно все пройдет, ну, а то, что ты забыл, я всегда тебе напомним!

За такие слова я чуть не расцеловал новоявленного братца. Все-таки родственные связи не так уж и плохи, если их использовать с умом.

– Получал ли ты от кого-нибудь письма? – поинтересовался брат.

– Пока нет, но жду и волнуюсь, как они там...

Я выжидающе посмотрел на брата. А вдруг сейчас спросит, кого конкретно я имею в виду! Но Александр, ни о чем, ни спросил, а заулыбавшись, сообщил:

– Я наемни от Андрея получил!

Так, обозначился какой-то Андрей. По-видимому, еще один наш брат, но какой старший или младший?

– И что пишет? – с живостью спросил я.

– Да что у них! Чичагова все ругает, мол, у Москвы братья насмерть дерутся, а я тут на юге прохлаждаюсь.

Так, значит, третий мой брат служит в Дунайской армии адмирала Чичагова. Это хорошо, ибо в ближайшее время мне с ним встреча не грозит.

– Ну, это он зря, войны у нас в России на всех хватит! – снисходительно покачал я головой. – Ты мне лучше расскажи, как там у нас в экипаже дела? Я ведь как к Багратиону попал почитай ничего о ваших делах и не знаю. Вот только и видел раненного Листа после Бородина..

– Драку начали у речки Колочи, где за отступившими егерями мост сожгли, потом из пушек по французам до вечера палили. – с радостью начал рассказывать мне Александр. – А при отступлении из Москвы опять жгли мост под французскими выстрелами.

Я пригласил брата на чай, после чая достал я и купленную по случаю бутылку вина. За чаем и вином поведал несколько штабных сплетен, чтобы ему было с чем вернуться к сослуживцам.

– Я отныне, братец, являюсь анненским кавалером! – и брат Александр не без гордости показал мне на свой крест Анны 3-й степени на груди.

– Ну, а как остальные? – задал я вопрос, который просто обязан был задать и которого Колзаков-2-й, конечно же, ждал.

Как я и думал, младший братец, это только и ожидал.

– Ты знаешь, без награды не остался никто! На кого что командир экипажа написал, то тому и выдали! – сразу же сообщил он мне. – Командир наш Иван Петрович Карцев получил Анну второй степени, капитан-лейтенанты Горемыкин с фон Принцем тоже отличились – первый Владимира четвертой, а второй Анну второй. Лейтенант Сашка Титов с Наумовым и доктором Кернером заслужили по четвертому Владимиру, а все остальные и я в том числе по третьей Анне. При этом заметь, мичман Лермонтов умудрился заполучить сразу две награды. За сам бой, как и все третью Анну, а за сожжение моста у Колочи отдельно солдатский Георгий!

О подвиге родного дяди великого поэта – мичмана Михаила Николаевича Лермонтова я в свое время немало читал, а потому искренне сказал:

– Хочу позать Лермонтову руку за его подвиг!

Любопытно было встретиться и подать руку тому, по чьим рассказам его будущий племянник напишет свое гениальное «Бородино»: «Скажи-ка дядя, ведь не даром...»

При расставании просил передать приветы всем офицерам экипажа и пообещал в ближайшее время обязательно заглянуть на дружеский ужин. Так что знакомство с родственником прошло в целом неплохо. Единственно, что несколько испортило мне впечатление от встречи были сказанные перед расставанием моим братом слова о том, что офицеры экипажа несколько обижены, так как я не нашел времени, чтобы их посетить и считают меня зазнавшейся особой. Брат говорил, что спорил с ними по этому поводу и убеждал, что я, якобы, уже обещал ему в ближайшее время непременно посетить товарищей по экипажу. Разумеется, выслушав претензии, я хлопнул себя рукой по лбу:

– Ешкин дрын, в самом деле! Я тут так закрутился, что напрочь забыл, что вы квартируете совсем рядом. Передай от меня Карцову и всем остальным нижайший поклон и, что я обязательно их наведаюсь в ближайшее время!

Была уже глубокая ночь, а потому, простившись, Александр направился к себе, я же, смотря ему вслед, думал о том, как мне себя вести во время посещения «своих бывших сослуживцев». И хотя сегодня я немало рассказывал брату о своей контузии и частичной потере памяти, предполагая, что он все перескажет товарищам, было очевидно, что во время посещения друзей-гвардейцев надо будет быть готовым к любой импровизации.

* * *

Всю ночь я крутился на своей раскладушке, не в силах заснуть, а едва рассвело, вооружился двумя пистолетами и отправился к месту вчерашнего покушения. Вот тропа, по которой я шел. Вот в эти кусты я прыгнул. Вот осина, с которой на меня сыпалась щепка, а вот и место входа пули. Достав нож, я принялся ковырять входное отверстие. К моему удивлению оно оказалось удивительно малым и глубоким, так что повозиться пришлось долго. Когда же я, наконец, добрался до искомой пули, то меня прошиб пот. На ладони лежала винтовочная пуля калибра 5,6 мм, причем таких я никогда еще не видел. При этом пуля была маркирована буквами «ICS». Несколько минут я тупо смотрел на пулю, силясь хоть что-то понять. А затем бросился к месту, откуда должен был стрелять киллер. Лежку снайпера я нашел быстро. Оборудована она была со знанием дела. Что и говорить, мой несостоявшийся убийца был вполне профессионален и никаких следов после себя не оставил. Наверное, около часа я руками ощупывал траву вокруг, пытаясь найти гильзу, но так и не нашел. Зато, идя по следу, мне удалось обнаружить один вмняемый отпечаток ботинка. И снова шок! Передо мной в край заполненной водой ямки отпечатался отпечаток спецназовского ботинка с характерной рифленой подошвой. Удивил и весьма малый размер ноги, не больше 36-го.

Найденную пулю я спрятал в карман, в надежде, что она мне еще пригодится. И пуля, и отпечаток говорили сами за себя – мой киллер был таким же, как и я пришельцем из будущего. В это было почти невозможно поверить, но иного объяснения своим находкам я придумать не мог. А это значило, что кто-то выдал лицензию на мой отстрел. Но опять – кто и за что? Если на первый вопрос ответить было невозможно, то с ответом на второй вопрос можно было предположить, что покушение я, возможно, сам чем-то спровоцировал. Возможно, самим фактом своего попадания из одного времени в другое. Если это так, то значит, помимо меня еще кто-то имеет возможность перемещаться, причем не так как я случайно, а вполне осознанно и с определенными целями. Следовательно, мое перемещение не представляет собой нечто единственное в своем роде, а является процесс, которым некие люди, а может целые структуры, управляют. Но если все обстоит именно так, значит, скорее всего, существует и обратная связь между прошлым и будущим, а это значит, что у меня появилась пусть пока чисто теоретическая, но все же возможность, при определенных счастливых обстоятельствах надеяться когда-нибудь вернуться обратно в свое время, если до этой поры меня не подстрелит очередной кил-

лер, не достанут штыком французские гренадеры и я не окачурюсь от какой-нибудь пустяшной болезни лишь потому, что еще никто не догадался изобрести антибиотики.

Как говорится, человек жив не только службой. Проходя следующим мимо тарутинского рынка, где можно было купить абсолютно все, хоть черта лысого, я увидел продававшего картофель крестьянина.

Подошел, прицениться. Увидев меня, продавец обреченно вздохнул:

– Вот репу да капусту всю в три дня распродал, а эти земляные яблоки проклятушие никто и даром брать не хочет!

– Сколько у тебя этих земляных яблок имеется?

– Да пуда три, поди, наберется!

– Беру все разом!

Щедро отсыпав обалдевшему от неслыханной удачи крестьянину горсть серебра, я велел ему отнести весь товар в избу, где я проживал и столовался, рассчитывая порадовать своих однокоштников.

Вечером я распалил костер и, накидав в золу картошку, собрал штабную братию на пиршество. Но сюрприза не получилось.

– Ну и на кой ляд, ты нас своим английским потетосом потчуешь! – огорчились одни.

– От этих чертовых картофеляний только и жди, когда живот на изнанку вывернет! – обились на меня другие.

Даже умница Коновницын, которому я отправил полную миску печеной картошки, отнесся к деликатесу весьма равнодушно и высказался в том смысле, что сей продукт можно употреблять единственно во время голодухи. В конечном итоге я уминал свои «потейтосы» в гордом одиночестве, перекидывая, как в детстве, на ладонях печеные клубни и щедро посыпая их грубой солью. На следующий день часть своей вчерашней покупки я отправил в подарок фельдмаршалу, за что мне было прислано его большая благодарность. Уж он-то мой подарок оценил по достоинству...

В тот же день я решил закрыть и вопрос с посещением гвардейского флотского экипажа. Откладывать данное мероприятие было более уже нельзя. Об экипаже я знал, только лишь то, что, согласно своей новой биографии, служил ротным командиром последние полтора года. Впрочем, разве это мало? Собравшись с духом, и прихватив полдюжины бутылок с вином, я отправился навстречу возможным неожиданностям. Вопреки всем моим опасениям, в экипаже меня встретили со всем радушием. Сразу привычно предупредив, что я был тяжело контужен, а потому речь мая несколько странновата, я все же старался побольше расспрашивать и слушать, и поменьше говорить.

Командир экипажа капитан 2-го ранга Иван Петрович Карцов встретил меня с раскрытыми объятьями, дав понять, что с моим прапрадедушкой он был в весьма приятельских отношениях:

– Рад, дружище, что ты выжил в бородинской мясорубке. Поздравляю с новыми эполе-тами. Я-то думал, что ты все еще состоишь при Багратионе!

Крепкий кудлатый крепыш с такими же кудлатыми бакенбардами обрамлявшим его рубленое лицо вызывал симпатию с первого взгляда. О Карцове я где-то читал, что он был настоящим боевым офицером, прошел все сражения последней шведской войны, тонул, побывал и в плену. Не скрывая своей гордости, Карцов вкратце мне рассказал об обеспечении переправы в начале Бородинского сражения переправы наших войск через речку Колочу. О том, как его моряки вместе с егерями почти полностью уничтожили 106-й французский.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.